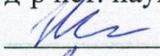

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра антропологии и этнологии

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

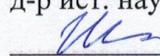
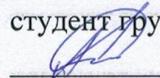
Руководитель ООП
д-р ист. наук, доцент
 И.В. Нам
« 6 » июля 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

МЕЖДУ ЗАКОНОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ПРАКТИКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИТУАЦИЙ
СПЕЦИАЛИСТАМИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ Г. ТОМСКА)

по основной образовательной программе подготовки магистров
направление подготовки 46.04.03 - Антропология и этнология

Садырин Антон Алексеевич

Руководитель ВКР
д-р ист. наук, доцент
 И.В. Нам
подпись
« 6 » июля 2018 г.
Автор работы
студент группы № 03211А
 А.А. Садырин
подпись

Томск-2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Социальный мир сотрудника опеки	9
1.1 Как исследовать «опеку»?	9
1.2 Все имеет смысл	17
2 Практики интерпретации ситуаций	26
2.1 Власть против власти	26
2.2 «Черный лебедь» опеки	37
Заключение	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	52
Приложение	58

Введение

Основным нормативным документом, вызвавшим этическую дилемму для сотрудников российских социальных служб, связанную с вопросом о том, как на язык юриспруденции «перевести» слова повседневности о «нормальном воспитании», стал законопроект 2012 г. о социальном патронате¹. А после принятия «Закона Димы Яковлева», запрещающего усыновление российских сирот семьям из США², вопрос о том, как, когда и в какой мере государство может вмешиваться в частную жизнь семьи для оказания помощи, стал частью политического дискурса, продолжающегося до сих пор. Проникновение государства в семью еще и без отлаженных механизмов понятия нормы в этом деликатном вопросе встречает сопротивление со стороны активных родителей, не желающих встречаться с представителями органов опеки и не принимающих закон таким, каковым он является на данный момент.

Западные социальные службы столкнулись с аналогичной этической дилеммой раньше, чем отечественные, соответственно, зарубежное академическое сообщество также не осталось в стороне. Существует ряд работ социальных исследователей, изучающих вопросы, связанные с практиками интерпретации определенных профессиональных ситуаций. Во-первых, также как и в России, к примеру, в США усугубляет положение дел разобщенность в понимании нарушения прав ребенка между

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства (№ 42197-6)» : [Электронный ресурс] : / Библиотека адвоката Жарова. [М.], 2018. URL: <http://zharov.info/teoriya-i-nauka/pravo/42197-6> (дата обращения: 21.01.2018).

² Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации № 272-ФЗ от 28.12.2012 г.» : [Электронный ресурс] : / Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2018. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162472&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 21.01.2018).

взаимодействующими структурами (медицина, школа, органы опеки)³. Во-вторых, ключевым моментом является расхождение правовых норм с реальной практикой, что ведет к изменению стратегий профессионального поведения сотрудника органов опеки и попечительства. Прежде всего, это связано с отсутствием четких критериев, по которым можно провести оценку риска неблагополучия в семье⁴. Наверное, в некотором смысле выходом из столь сложной ситуации для западных социальных служб стало использование *liquid welfare* – гибкой социальной политики, основанной уже в парадигме постмодерна. При этом должностные инструкции уходят на второй план, главным становится индивидуальный подход, прежде всего, основанный на осмыслении предыдущего повседневного профессионального опыта. Соответственно, меняется и набор компетенций, которыми должен обладать сотрудник социальной службы⁵.

Однако в отечественной науке имеются явные пробелы, связанные с исследованием той этической дилеммы, о которой мы писали выше. Хорошо исследованным остается феномен социальной работы, юристы штудируют законодательную базу, связанную с системой патроната. Качественные полевые (*a ne количественные*) исследования, связанные с расхождением закона и реальности в работе сотрудников органов опеки и попечительства попросту отсутствуют. Данная проблема остается в поле социального дискурса, в связи с этим, считаем **актуальным** произвести попытку ее переноса в академическую плоскость посредством исследования, которое представлено ниже.

Проблема нашего исследования будет сводиться к адекватности интерпретации ситуации специалистом отдела опеки и попечительства при выезде в семью. На наш взгляд, логичным будет вкратце описать отработку

³ Миллинг К.Э. (1993) Дети, страдающие от плохого обращения. Энциклопедия социальной работы, Том 1. М., 1993. С. 198.

⁴ Ferguson H. Protecting Children in Time: Child Abuse, Childs Protection and the Consequence of Modernity, Basingstoke., 2004. P. 218.

⁵ Ferguson H. Protecting Children in Time... P. 212-220.

«сигнала»⁶ опекой при возможной угрозе жизни и здоровью ребенка, а также при возможном нарушении его прав законными представителями. Такая работа может быть продемонстрирована в следующей схеме: 1) поступление сообщения от органов, взаимодействующих с органами опеки (медицинские и образовательные учреждения, связанные с жизнью ребенка) либо от граждан (телефонный звонок, устное или письменное сообщение); 2) далее в течение определенного времени сотрудниками «опеки» должен быть совершен выезд по указанному в сообщении адресу для проверки поступившей информации, при выезде обязательным условием является заполнение акта обследования жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего, в котором указаны возможные причины угрозы жизни и здоровью ребенка, одновременно являющиеся основанием для изъятия его из семьи; 3) затем сотрудником отдела опеки и попечительства выносятся одно из возможных решений: а) изъятие ребенка при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка, б) постановка семьи на учет и дальнейшая работа с семьей по технологии «случай» (патронаж семьи)⁷; в) при отсутствии нарушений прав ребенка и угрозы его жизни и здоровью специалист отдела опеки составляет ответ в организацию, откуда поступил «сигнал» о том, что в ходе выезда нарушений не выявлено.

Как мы уже писали выше, «опека» при выезде на «сигнал» заполняет обязательный акт обследования жилищно-бытовых условий, трактовка пунктов которого и служит основанием для одного из возможных решений специалиста. В связи с этим, адекватность интерпретации ситуации сотрудником отдела опеки в семье, на которую поступил «сигнал» является основополагающим фактором в будущей судьбе ребенка и его родителей. Во

⁶ Информация, поступившая в органы опеки и попечительства от частных лиц, а также от организаций, осуществляющих межведомственный контроль над возможными нарушениями прав ребенка.

⁷ Технология работы со случаем нарушений прав ребенка предполагает организацию на межведомственной основе реабилитационной работы с семьей и/или ребенком в целях восстановления в семье условий для соблюдения прав ребенка, его воспитания и нормального развития.

время работы в поле, у нас сложилась гипотеза о том, что не всегда определенная норма закона в виде акта обследования жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего релевантна по отношению к инокультурным семьям. Но при проверке гипотезы выяснилось, что этничность или другая культурная среда, в которой воспитывается ребенок, не являются основными в принятии решения специалистом отдела опеки. В итоге, основную **гипотезу** исследования можно сформулировать следующим образом: интерпретация нормы закона происходит относительно ситуации, где мы имеем дело с когнитивными моделями ситуации – взглядами на ситуацию.

Следовательно, **объектом** в данном исследовании являются сами практики «опеки», а **предметом**, соответственно, механизмы определения ситуации.

Целью исследования является выявление типовых моделей профессионального поведения: какие когнитивные модели или интерпретации ситуации существуют. Достижению цели способствует постановка следующих задач: 1) выявление мотивов в применении той или иной санкции сотрудниками органов опеки; 2) выявление и описание факторов, влияющих на определение ситуации в работе специалиста, 3) описание практик оценки ситуаций; 4) исследование механизмов определения ситуации; 5) определение когнитивной модели определения ситуации.

Социальная работа, как определенная область профессиональной практики и как научная дисциплина сформировалась не так давно. Как профессиональный опыт, данная сфера складывалась весьма долго и непросто. Изначально возникла практическая деятельность, а затем уже специальное образование. Постепенно развивались научные школы, теоретические подходы, учебные пособия и периодические издания. Со временем социальная работа, помимо заимствований методологических ресурсов из наук о человеке и обществе (социология, психология, социальная антропология), выработала собственные приемы исследований, которые с

успехом были приняты академической социологической общественностью. Основным из таких приемов стала стратегия кейс-стади, которая использовалась первоначально в обследовании нуждающихся городских семей для выработки оказания помощи, а в дальнейшем нашла применение в академических исследованиях городских и сельских сообществ, предприятий и организаций. На наш взгляд, именно метод этнографического кейс-стади позволит достичь заданную цель.

Отличительный признак этнографического исследования – скрупулезное внимание к деталям, рассмотрение особенностей какого-либо процесса или института посредством включенного наблюдения, глубинных интервью, анализа документов. Применяемые в изучении внутренней жизни учреждений, эти инструменты сбора данных подразумевают аналитический интерес к структурам повседневной жизни, организационной культуре во всей совокупности ее проявлений. Принципиальное отличие этой методологии – в той сокращенной дистанции между «своим» и «чужим» миром, между антропологом и информантом.

В литературе представлены различные типы кейс-стади. Л. Стенхауз выделяет эвалюаторное (направленное на оценку эффективности), образовательное и этнографическое кейс-стади. Р. Йин предлагает свою классификацию, в которой называет такие типы, как аналитическое (объяснительное) и описательное кейс-стади. «Описательная стратегия заключается в поиске ответов на вопрос «как», и задача состоит в подробном описании некоторого социального явления или института. В свою очередь, объяснительная стратегия призвана найти ответ на вопрос «почему» и осуществить поиск причин и факторов, оказывающих влияние на ситуацию. В этом случае кейс-стади не просто позволяет уточнить факты и упорядочить массу деталей, но способствует формулированию теории»⁸.

⁸ Романов П., Ярская-Смирнова Е., Методы прикладных социальных исследований. Учебное пособие. М., 2008. С. 109.

Методологически данная работа опирается на идеи социальной герменевтики и феноменологии. Л.Г. Ионин писал о том, что проблему социального порядка следует искать в когнитивных структурах осмысления и описания мира в терминах самих участников и в ходе их повседневных взаимодействий. Люди живут не в абстрактных структурах, а в «жизненных мирах». Базовая реальность, в которой формируется реальное социальное поведение, в феноменологической социологии называется «жизненный мир»⁹. Жизненный мир – это мир чувственного опыта, мотивированного практически-ситуационными интересами. Одним из теоретических обоснований для социальной герменевтики служит так называемая теорема Томаса, которая гласит, «что если человек определяет какую-либо ситуацию как реальную, то она, действительно, становится реальной в своих последствиях»¹⁰. Антрополог в свою очередь, говоря языком К. Гирца, должен произвести интерпретацию интерпретаций¹¹. В таком случае вопрос о правильности определения ситуации будет являться бессмысленным, так как факт познания меняет познаваемый объект. Схожей позиции придерживался и А. Шюц, подчеркивая важность соотношения обобщенных утверждений с конкретным мировосприятием людей. В таком случае целью антропологического исследования является понимание происходящего «изнутри», с точки зрения участника¹².

⁹ Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. № 1/2. 2006. С. 75.

¹⁰ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 9.

¹¹ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.

¹² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.

1 Социальный мир сотрудника опеки

1.1 Как исследовать «опеку»?

Пожалуй, никто не будет оспаривать тот факт, что профессиональная деятельность органов опеки и попечительства во многом является частью социальной работы. Однако «опека» (как сами себя называют сотрудники) является органом государственной исполнительной власти с определенным количеством задач, полномочий и функций. Органы опеки и попечительства работают в соответствии со статьями Семейного кодекса, Федерального закона «Об опеке и попечительстве», Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также ряда внутрисубъектных нормативных актов. Согласно статье 7 Федерального закона «Об опеке и попечительстве», органы опеки и попечительства имеют три главные задачи: 1) защита прав и законных интересов граждан, находящихся под опекой или нуждающихся в ней; 2) надзор за деятельностью опекунов; 3) осуществление контроля за сохранностью имущества граждан, помещенных под опеку¹³. Помимо задач, органы опеки и попечительства обладают рядом полномочий. Для нашего исследования, которое связано, прежде всего, с сотрудниками, осуществляющими работу по технологии «случай», важны следующие полномочия изучаемого органа государственной исполнительной власти: 1) выявление и учет граждан, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства; 2) представление законных интересов несовершеннолетних граждан, находящихся под опекой или попечительством; 3) проверка условий жизни подопечных¹⁴. Однако, стоит отметить, что ранее упоминаемый нами Федеральный закон дает право

¹³ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об опеке и попечительстве» : [Электронный ресурс] : / Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2018. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (дата обращения: 22.01.2018).

¹⁴ Там же.

субъектам Российской Федерации изменять полномочия, которыми наделены органы опеки и попечительства¹⁵.

Неспроста в начале главы мы провели некоторую параллель в деятельности органов опеки и попечительства и социальной работы. Сделано это потому, что большая часть исследований в нашей стране связана все же именно с изучением различных частей деятельности социальных работников. В своей практике мы нередко сталкивались с проблемой непонимания границ между двумя видами профессиональных структур не только в профанном мире, но и в академических кругах. Однако социальная работа, явление отличное от того, чем занимаются органы опеки и попечительства. Само понятие «социальные проблемы», являющееся основополагающим для социальной работы, сформировалось лишь к началу XIX в. в контексте реформистской идеологии и охватывало нищету, преступность, заболеваемость и ряд других условий и явлений, требующих неотложного вмешательства государства¹⁶. Классическим трудом того времени стала фундаментальная работа британского предпринимателя Чарльза Бута «Жизнь и труд населения Лондона» в 17 томах. Бут считал, что главным критерием социальной структуры общества и города является доход. Он заложил новый метод социального обследования – картографирование. Прожив три года среди бедноты, проведя более 1000 личных интервью, Ч. Бут на основании собранного материала раскрашивал лондонские кварталы в разные цвета в зависимости от дохода¹⁷. Знаковым трудом конца XIX в. в рамках социальной работы стал также «Филадельфийский негр» В. Дюбуа. Основываясь на сборе сведений о жилищных условиях, работе, доходах и

¹⁵ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об опеке и попечительстве»: [Электронный ресурс]: / Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2018. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (дата обращения: 22.01.2018).

¹⁶ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 8.

¹⁷ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 9.

образовании, В. Дюбуа написал первую работу по расовой проблематике¹⁸. В России в основе исследований, связанных с социальной работой, лежат переписи населения, для описания которых в конце XVIII-начале XIX вв. стали привлекать ученых (М.В. Ломоносова, И.К. Кириллова, Н.Н. Семенова-Тяншанского и др.).

Таким образом, основой исследований социальной работы служат социальные проблемы, а их обнаружение становится маркером действий, которые могут повести к изменениям. Органы опеки и попечительства в свою очередь являются инструментом исполнительной власти, обладающим определенными контролирующими функциями. Это не полиция, это не комиссия по делам несовершеннолетних, это и не акторы и агенты низового уровня социальной политики такие как социальные службы или социальные работники. Органы опеки и попечительства скорее вбирают в себя некоторые стороны каждой из вышеперечисленных служб. Деятельность «опеки» не сводится исключительно к решению вопросов социального характера, она перекликается с юридическим полем – работа органов опеки и попечительства основана, прежде всего, на праве. Сотрудники социальных служб начинают работать с семьей после того, как исполнительный орган в лице «опеки» постановит начать такую работу, контролируя ее. При этом сама работа органов опеки и попечительства все же основана на социальных проблемах, которые могут быть обнаружены в ходе социологического или антропологического исследования.

В связи с этим, исследования, посвященные социальной работе, и исследования, касающиеся органов опеки весьма коррелирует между собой. К примеру, социальная работа одновременно является и дисциплиной, и профессией, и обособленной областью научно-практического знания. Отсюда и тот корпус литературы, который посвящен исследованиям социальной работы. Во-первых, он значительно больше, широко представлен

¹⁸ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 4.

русскоязычными работами, учебными пособиями и др., во-вторых, чаще всего социальная работа разбирается с позиций социологических и антропологических взглядов. В отличие от исследований по социальной работе труды по изучению органов опеки и попечительства целиком и полностью уходят в сферу юридического знания. К примеру, Э.В. Арутюнова анализируя правовые источники, связанные с деятельностью органов опеки и попечительства, оценивает эффективность «опеки» как субъекта процедуры усыновления¹⁹. С.О. Карибян в своей статье разбирает актуальные правовые проблемы социального сиротства в нашей стране. Сравнивая их с зарубежным опытом, он предлагает пути решения существующих недостатков²⁰. В рамках развития Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. Е.П. Бурдо предлагает пути совершенствования системы органов опеки и попечительства путем разделения механизма работы органов опеки и попечительства на две структуры: по выполнению формально-юридических функций и по выполнению патронатных (сопроводительных функций)²¹. Споры о детях, как особый вид споров о праве, зачастую включают в себя органы опеки и попечительства. На основании этого М.Е. Жаглина в своей работе разбирает разные процессуальные аспекты споров о детях²².

Перечислять и описывать такие работы, связанные, прежде всего, с рассмотрением органов опеки и попечительства в контексте юридических наук, можно очень долго, т.к. их сотни, если не тысячи. Мы выбрали наиболее привлекательные из них для того, чтобы продемонстрировать изучение процессов и явлений, связанных с органами опеки и попечительства

¹⁹ Арутюнова Э.В. Органы опеки и попечительства как субъекты процедуры усыновления // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 124–126.

²⁰ Карибян С.О. Правовое регулирование социального сиротства в России // Вестник ВУиТ. 2013. №2 (78). С. 2-11.

²¹ Бурдо Е.П. Совершенствование системы органов опеки и попечительства по обеспечению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних детей в свете Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы // Марийский юридический вестник. 2015. №1 (12). С. 102–104.

²² Жаглина Марина Евгеньевна Споры о детях: процессуальные аспекты // Вестник ВИ МВД России. 2017. №2. С. 2–6.

сугубо в правовом ключе. И все же справедливым замечанием будет то, что **иногда** и социальные исследователи (социологи, философы, антропологи) производят попытки исследований органов опеки и попечительства. Так У. Сересова и Е. Шутикова с использованием методологических основ теории политического цикла и критической теории провели эмпирическое исследование, посвященное практике взаимодействия сотрудников органов опеки и попечительства с будущими и настоящими приемными родителями²³. Однако количество таких работ незначительно. Таким образом, сотрудник «опеки» одновременно является и агентом социального контроля, и специалистом, предлагающим помощь, защиту и заботу людям в трудной жизненной ситуации. Соответственно, те методики, которые применяются для исследований социальной работы, в равной степени могут быть применены к изучению органов опеки и попечительства.

Большой популярностью исследований социальной работы в нашей стране пользуются труды П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Два этих человека написали множество специальных статей и учебных пособий по этой проблематике и основали «Журнал исследований социальной политики», учредителем которого является НИУ «Высшая школа экономики». Особо отметим важность учебных пособий для социологов и антропологов, с помощью которых можно изучать социальную работу²⁴. Отдельным направлением в деятельности П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой является антропология/социология организаций опять же с уклоном на государственные организации социального толка²⁵. В основе нашего исследования лежат идеи и взгляды вышеупомянутых ученых.

²³ Сересова У., Шутикова Е. Профессионалы и приемные родители: стратегии взаимодействия // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. №4. С. 493–506.

²⁴ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза: Учеб. пособие. Саратов., 2004. 258 с.

²⁵ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под редакцией В. А. Мансурова. М., 2007. С. 12–32.; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий. Саратов., 2005. С. 13–50.

Разобравшись с тем, что социальная работа есть часть работы органов опеки и попечительства, попытаемся выяснить, как все-таки проводятся исследования, связанные с данной проблематикой. Начнем с того, что социальная работа обладает уникальной особенностью, которая заключается в стремлении постоянно пересматривать социальные стереотипы, снижающие эффективность деятельности организации. Соответственно, профессионал из этой сферы человек рефлексивный, чья рефлексия направлена не только на оценивание самого себя, но и своей организации, отдела и т.п. В связи с этим, выделяют разные типы исследований в социальной работе, прежде всего, академические и прикладные исследования. Наше исследование, безусловно, является академическим, в котором мы придерживаемся определенной теоретической парадигмы, при этом пытаюсь действовать в рамках конкретной научной дисциплины, не претендуя на прикладной характер тех изысканий, которые удалось получить. При исследовании социальной работы всегда применяется различная методология. Не секрет, что зачастую социальные исследования разделяют на две большие категории – качественные и количественные. Современные антропологические исследования зачастую вбирают себя методы как качественные, так и количественные. В своем же исследовании мы использовали исключительно качественную методологию. Во-первых, было проведено несколько глубинных интервью, в которых дается возможность глубоко и широко затронуть те области, которые интересны исследователю. Такие интервью чаще проводятся с несколькими хорошо информированными специалистами (экспертами). Во-вторых, основным методом социальной антропологии, отличающим ее от других социальных наук, является метод участвующего/включенного наблюдения, обладающий массой положительных для сбора данных сторон. В повседневной жизни люди осмысливают мир, придают смысл окружающим их объектам, явлениям, людям и взаимодействуют на основе этих смыслов. Как уже отмечалось выше, «теорема Томаса гласит, что если люди считают ситуацию

реальной, то она реальна по своим последствиям. Поэтому даже если мы «ошибаемся», размышляя о значении чего-либо, наши даже самые сильные заблуждения имеют реальные последствия. Для того, чтобы понять культуру, необходимо, прежде всего, изучить язык, но даже имея общий язык с нашими информантами, мы порой не знаем, что означают конкретные слова в конкретных ситуациях. Чтобы понять смыслы человеческого существования, описать мир повседневности с точки зрения инсайдера, необходимо «участвующее наблюдение»²⁶. Большим минусом участвующего наблюдения называют сложности вхождения в поле, непринятие исследователя, и, как следствие, отсутствие перспектив исследования. Поскольку наше участвующее наблюдение было закрытым (скрытым), когда участникам исследования ничего специально не сообщалось, это позволило избежать указанных трудностей.

В августе-сентябре 2016 г. автору работы выпала возможность оказаться сотрудником отдела опеки и попечительства администрации одного из районов Томска. Изначально целью была исключительно материальная составляющая. Однако антропологический бэкграунд дал быстро знать о себе, на многое происходящее вокруг автор смотрел через призму науки и неосознанно стал использовать метод включенного наблюдения. Автору удалось стать одним полноправным членом исследуемой группы, овладеть их профессиональным языком, получить удостоверение сотрудника отдела опеки и попечительства, что являлось маркером официальной принадлежности к сообществу, и участвовать в своеобразном «обряде инициации»²⁷ – делать всё то, что делали члены

²⁶ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 76.

²⁷ К одному из таких «обрядов» можно отнести мой первый случай изъятия ребенка из семьи, который затянулся до поздней ночи в связи со многими обстоятельствами, одним из которых было долгое и затруднительное определение ребенка в приют. Основанием для отнесения данного мероприятия в разряд «обряд инициации» послужили одобрительные фразы группы, которые сводились к тому, что этот первый сложный опыт встречается в жизни каждого представителя данной профессии и является линией демаркации между неофитом и полноправным членом сообщества.

«племени». Именно авторское наблюдение, авторское поле, которое парадоксально стало полем после уже проведенной рефлексии, подвигли к написанию данной работы и к анализу сложившейся проблемы, которая заключена в названии к этой работе и о которой мы подробнее поговорим ниже.

Подобный способ работы в поле дал нам множество «ключей» к изучению данного профессионального сообщества. Автор обезопасил себя от рисков, связанных с непринятием «чужого», поэтому процесс «раскрытия» моих коллег происходил гораздо быстрее. Автор быстро стал своим, освоил язык, который для бюрократии низового уровня является важным атрибутом организационной культуры. Для новичка, в ходе усвоения культурного контекста использование профессионального языка способствует более полной идентификации со «своими», принятию их норм, правил и действий.

1.2 Все имеет смысл

До сих пор значимой проблемой для социальной аналитики является господство объективирующего мышления. А поскольку это так, то и разум – инструментален, истина – полезна, субъект «сделан», история и социальность исчисляемы и калькулируемы. Как правило, мы сталкиваемся с тем, что история, социальность, влияющие на социальный и культурный опыт индивида, структурирующие этот опыт, предстают для исследователей в объективированной, превращенной форме²⁸. Именно этих ошибок мы попытались избежать в нашем исследовании. Очень важно, будучи социальным исследователем, произвести попытку понимания жизненного мира индивида – участника исследования.

Одним из основоположников осмысления повседневного существования людей был немецкий философ Э. Гуссерль. Повседневность Гуссерля была выражена понятием «жизненный мир», который является частью нашего повседневного опыта и практического смысла. Жизненный мир – феноменологический мир, где каждый феномен мы создаем сами, сами верим в его существование, соответственно, феномен – часть жизненного мира, его элемент. Задача антрополога в ключе феноменологии Гуссерля есть обращение к жизненному миру человека, который одновременно является глубинной реальностью жизни. Задача феноменологии же в парадигме Э. Гуссерля заключается в том, чтобы показать «онтологическую активность» сознания, не позволяя натуралистическим способам понимания сознания победить: «Никакая мыслимая теория не может заставить усомниться нас в принципе всех принципов: любое дающее из самого первоисточника созерцания есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в

²⁸ Колодий Н.А., Кнехт Н.П. Феноменолого-герменевтическое обоснование социальной онтологии // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 149.

интуиции из самого первоисточника... нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает»²⁹.

Основателя феноменологии Э. Гуссерля зачастую все же относят к философам, социологам, но никак не к антропологам, хотя современный антрополог нередко пытается увидеть мир таким, каким предлагал немецкий философ. Тому примером может служить основатель «Интерпретации культур», американский антрополог, К. Гирц, который активно интересовался всей европейской философией от Платона до Гуссерля, оставаясь антропологом и не подменяя своего мышления сугубо философским: «Антрополога, чья профессия – изучать другие культуры, эти загадки сопровождают всегда. Его личное отношение к своему объекту изучения – возможно, в большей степени, чем у любого другого ученого – неизбежно проблематично. Узнайте, что он думает о дикаре, и вы получите ключ к его трудам. Если вы знаете, что он думает о самом себе, то вы в целом знаете, что он скажет о любом племени, которое возьмется изучать. Часть этнографии – это всегда философия, а добрая половина другой ее части – исповедь»³⁰.

Важным элементом социологии Э. Гуссерля являлось обращение к вещам, как они даны сознанию. В целом для феноменологии в отличие от позитивизма характерно обращение к ценностям и смыслам, а не потребностям. Отрицая идеи М. Вебера, к феноменологии Э. Гуссерля обратился в своих работах знаменитый австрийский социолог А. Шюц после эмиграции в США. «Смысл, на который М. Вебер нацеливал социологию, понимается у Шюца как конструкция, и это порождает совершенно новые социологические феномены»³¹. А. Шюц пытается объединить часть феноменологии Э. Гуссерля, взяв у него понятие жизненного мира, и часть

²⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С. 51.

³⁰ Гирц К. Мыслящий дикарь: О работе Клода Леви-Стросса / К. Гирц. Интерпретация культур. М., 2004. С. 397–414.

³¹ Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I. № 1. С. 110.

понимающей социологии Вебера. Главным вопросом для А. Шюца становится то, как осознается мир и возникает опыт. В связи с этим, он выделяет два вида мотивов: «для того, чтобы» и «потому, что»³². Мотивы всегда биографически детерминированы, поэтому для феноменологов мотив связан с будущим временем – это форма проекта будущей жизни, для позитивистов же мотив формируется чередой определенных обстоятельств и представляет реакцию на них. «Установлено, между прочим, что человеческое сознание по своей природе проективно оно направлено в будущее, которого пока не существует. Люди могут не только воссоздавать, репродуцировать то, что уже существует, но и создавать, продуцировать новое. Без проективной способности развитие человечества было бы невозможно. Разумеется, это вовсе не значит, что будущее, к которому люди стремятся, будет таким, каким оно проектировалось. Напротив, из всех жизненных «проектов» каждого конкретного человека осуществляется только относительно малое количество. Это связано, в частности, с тем, что, по выражению Сартра, «существуют другие, мешающие мне реализовать мою свободу». «Другие» имеют свои собственные планы и проекты, и наши действия, таким образом, накладываются друг на друга, и в конечном итоге может получиться нечто непредсказуемое, не планировавшееся ни одним из конкретных людей»³³. В связи с этим, одной из задач нашего исследования является определение мотивов в применении той или иной санкции сотрудниками органов опеки в русле феноменологической мысли.

Другим важным элементом нашего исследования является концепция «жизненного мира», привнесенная Э. Гуссерлем из философии, а в дальнейшем хорошо развернутая А. Шюцем. По мнению Гуссерля, этот мир дан человеку непосредственно, в нем мы встречаем все то, что включено в нашу повседневную жизнь, и во что мы сами верим. Гуссерль сознательно

³² Шюц А. Структура повседневного мышления. // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129-137.

³³ Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию: пер. со швед. / П. Монсон. М., 1994. 96 с.

включает в свои научные разработки повседневность, так как, по его мнению, наука, не заботящаяся о том, чтобы приносить пользу, рано или поздно окажется в кризисе³⁴. Специфика жизненного мира по Гуссерлю заключается в том, что до рассмотрения общества в феноменологической парадигме, естественные науки были ориентированы на саму жизнь, *на* этот мир. Австрийский философ утверждает, что необходимо отказаться от таких взглядов, поскольку вопросы, возникающие в голове у человека, можно ставить непосредственно находясь *в* этом мире: «Этот действительно созерцаемый, опытный и в опыте постигаемый мир, в котором практически разворачивается вся наша жизнь, сохраняется неизменным в своей собственной сущностной структуре, в собственном конкретном каузальном способе бытия»³⁵. В жизненном мире мы постоянно сталкиваемся с очевидностями, не задумываясь о смысле того, что мы делаем, но это не является признаком бессистемности, наоборот, именно таким образом происходит упорядочивание социального бытия.

Мы уже упоминали ранее влияние на творчество А. Шюца идей М. Вебера, однако он не был единственным представителем социологии, на кого мог в своих разработках опираться Шюц. Безусловно, стоит упомянуть и классика французской социологии Э. Дюркгейма, от которого А. Шюц взял основное – коллективные представления, в которых индивидуальные сознания становятся коллективным опытом³⁶. Помимо работ Э. Дюркгейма, А. Шюц был знаком с творчеством представителя американского прагматизма – У. Джемса, с концепцией Дж. Г. Мида, связавшего между собой социальную интеракцию с процессом интерпретации, не остались в стороне и философы-экзистенциалисты, прежде всего, в лице М. Мерло-Понти, считавшего, что феноменология может примерить философский интеллектуализм и социологический позитивизм.

³⁴ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2004. 400 с.

³⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология... С. 203.

³⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 533 с.

И все же базовым понятием для А. Шюца становится жизненный мир. Попытаемся подробно разобраться, что он значит для него, и как данный научный конструкт можно применить в нашем исследовании. Главной задачей для австрийского социолога становится поиск смыслов, которые находятся в жизненном мире. Шюц подчеркивает, что обыденная реальность, во-первых, структурно социализирована, во-вторых, она генетически социализирована, что означает ее социальное происхождение и содержание в социально санкционированных терминах, в-третьих, повседневность социализирована в смысле социальной классификации знания: «Каждый индивид, познающий только части мира, и общее знание той же части мира различаются по степени ясности, отчетливости, осведомленности или просто веры»³⁷. Помимо социализации, другим главным атрибутом является интересубъективность жизненного мира, которая выражается в том, что правильность наших действий доказывает ответная реакция других людей. Каждый из нас обладает собственным жизненным миром, однако каждому из нас необходимо и общее социальное пространство. В связи с этим, мы выстраиваем общество как определенную структуру отношения, а социальный порядок формируется посредством институциализации феноменов. В феноменологической парадигме мы судим о других по себе. Соответственно, зная о том, что мы сами делаем, у нас появляется возможность понять смысл действия других. Аналогичным способом должны работать и социальные ученые, пытаясь найти смысл действия в повседневности: «Структура социального мира осмыслена, во-первых, для живущего в социальном мире, и, во-вторых, также и для социальных наук, интерпретирующих данный им социальный мир. Живя в мире, мы живем с другими и для других, ориентируясь на них в своих повседневных делах. Ощущая их как других, как ближайшее и более широкое окружение, как предков или потомков, связанных с ними совместными действиями,

³⁷ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1996. С. 537–538.

побуждая их к выражению позиции и побужденные ими к выражению позиции, мы понимаем поведение этих других людей и предполагаем, что они понимают наше поведение. В этих актах полагания и истолкования смысла в разной степени анонимности, в большей или меньшей близости переживания, во множественных, пересекающихся перспективах складывается для нас смысловая структура социального мира, являющаяся как нашим миром (строго говоря, прежде всего — моим миром), так и миром других»³⁸.

Как можно изучить социальный мир? Шюц в этом вопросе не оставляет нас без ответа, говоря о том, что лучшим средством для изучения жизненного мира является понимание – все ответы необходимо искать не в теориях, а в повседневном мышлении: «А так как человек рожден матерью, а не выведен в пробирке, то опыт существования других людей и значение их действий, конечно же, являются первым и наиболее изначальным эмпирическим наблюдением...», – резюмирует исследователь. Жизненный мир – мир повседневный, он является миром жизненной установки каждого из нас, соответственно, жизненных миров целое множество, так как каждый проживает свою жизнь в определенной ситуации. В связи с этим, нам – антропологам, изучая такую профессиональную группу, как сотрудники органов опеки и попечительства, необходимо было погрузиться в жизненные миры этих людей для понимания смыслов их действий. Лучшим инструментом для того, чтобы это сделать явилось участвующее наблюдение.

Феноменологические работы А. Шюца получили свое продолжение в лице тех исследователей, которые занимались/занимаются изучением повседневного мира. К ним можно и нужно отнести, прежде всего, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, У. Л. Уорнера. Ключевой работой И. Гофмана

³⁸ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 695.

является «Представление себя другим в повседневной жизни»³⁹. Автор проводит аналогию повседневного мира с театром, объясняя поведение людей через мистификацию и идеализацию – представления себя в удобном свете для остальных – каждый пытается играть определенную роль, где декорациями выступают конкретные жизненные ситуации, от которых зависит, в какой маске в тот или иной момент окажется «актер». В последующем такую теоретическую модель И. Гофмана стали называть драматургической моделью. Еще одной ключевой работой Гофмана принято считать «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта»⁴⁰. Основным достижением автора этой работы является выделение так называемых «фреймов» – образцов, с помощью которых происходит интерпретация действий окружающих. По мнению Гофмана, существуют надындивидуальные структуры, задающие модели повседневного поведения, которые создают «порядок взаимодействия», исполняемый индивидами постоянно. Именно «порядок взаимодействия» в повседневных ситуациях соприсутствия и составляет структуру общества. Надындивидуальными могут быть не только крупные социальные институты, жизненный опыт, к примеру, также надындивидуален. Действие индивида становится обусловлено фреймами, которые соединяют индивидуальное действие с социальной структурой⁴¹.

Другим научным движением, связанным с изучением повседневности, стала этнометодология Г. Гарфинкеля – ученика А. Шюца, Г. Гарфинкеля и др. В своей первой и знаменитой книге Гарфинкель определяет этнометодологию так: «Этнометодологические исследования анализируют повседневные действия как используемые их участниками методы представления этих действий наглядно-рациональными-и-сообщаемыми для

³⁹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М., 2000. 304 с.

⁴⁰ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. 752 с.

⁴¹ Батыгин Г.С. Континуум Фреймов: Драматургический реализм Иривинга Гофмана // Вестник Российского университета дружбы народов. № 2. 2001. С. 6.

любых практических целей, то есть «понятными» (accountable) с точки зрения организации обыденных повседневных действий»⁴². Смысл высказывания заключается в том, что в повседневных практиках индивиды организуют свою деятельность так, чтобы она выглядела разумной не только для них самих, но и для окружающих. Действия должны быть понятны, прежде всего, для практических целей, такие действия и будут называться «этнометодами». Такие методы существуют внутри ситуаций повседневной жизни и являются универсальными для них. «Дело обстоит не так, что вот, мол, есть ситуация, а мы используем какие-то методы, чтобы «интерпретировать» ее так, чтобы она стала понятной для нас и других. Наоборот, ситуация как таковая существует лишь в той мере, в какой она понята (или сделана понятной) при посредстве этнометодов»⁴³. Из-за невозможности классифицировать бесконечное количество повседневных действий Гарфинкель выделяет четыре «формальных свойства», которыми обладает практическая деятельность: 1) объяснимость, 2) рефлексивность, 3) индексичность, взятая из лингвистики, где она обозначает высказывания, зависящее от места, времени и обстоятельств высказываний («ты», «там», «завтра»), 4) документальный метод.

По Гарфинкелю этнометодологи должны работать, применяя четыре основные стратегии: 1) создание ситуаций, требующих экстраординарной интерпретации (классическим является случай транссексуала Агнес, описанный Гарфинкелем); 2) исследователь помещает себя в трудную необычную ситуацию (например, для того, чтобы описать тюрьму, нужно стать преступником и попасть туда); антрополог здесь может провести для себя некоторые параллели с методом участвующего наблюдения; 3) «этнографическая работа» – пристальное (невключенное наблюдение) и детальное описание той деятельности, которую осуществляют индивиды в

⁴² Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. № 1/2. 2006. С. 75.

⁴³ Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. № 1/2. 2006. С. 76.

естественных условиях; 4) записи речевого поведения, их дальнейшее транскрибирование; эта стратегия легла в основу «анализа разговора» (conversation analysis).

В отличие от И. Гофмана и Г. Гарфинкеля У. Л. Уорнер стал одним из первых кто успешно стал применять антропологическую методологию при изучении жизни современного общества. Он интервьюирует мэра города так, как если бы это был вождь местного племени, он изучает празднование своими соотечественниками Дня Независимости так, как если бы это был кровавый ритуал жертвоприношения. Уорнер берет на себя смелость стать «чужим среди своих». В итоге, «свое», общее для исследователя и исследуемых, предстало в качестве «чужого», незнакомого и настораживающего⁴⁴. Суть антропологического метода для Уорнера заключалась в том, что он использовал дихотомию простое/сложное, заменив ее классическим противопоставлением того времени свое/чужое, т.к. в своей первой экспедиции работал аборигенами в Австралии. Итогом работы Уорнера в Австралии стала книга «Черная Цивилизация» в ней он, помимо описания жизни аборигенных племен, попытался разработать инструмент особой исследовательской оптики, которую в дальнейшем применил при изучении жизни обычных американцев в г. Ньюберипорт, штат Массачусетс.

⁴⁴ Вахштайн В.С. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. 2003. № 3. С. 12.

2 Практики интерпретации ситуаций

2.1 Власть против власти

Согласно М. Фуко, власть не функционирует по заданной юридической модели. Она проявляется в повседневной жизни (например, «родитель»-«ребенок», «врач»-«пациент»). В рамках данной мысли власть является горизонтальной, а не вертикальной, как мы привыкли понимать ее. Индивид же в этом случае будет эффектом проявления той власти. Органам опеки дана возможность влиять на поведение других. Однако это влияние распространяется здесь и сейчас, власть представлена конкретными людьми в конкретное время при конкретных обстоятельствах. В связи с этим, не может быть и речи об изучении столь важного властного органа в макродискурсе.

Поясняя понимание ассиметричного конфликта в парадигме де Серто и Скотта, О. Хархордин и В. Волков приводят яркий пример неорганизованных локальных практик, когда людям «слабым» приходится приспособливаться к властному воздействию на них, а иногда и побеждать его или извлекать из него выгоду. Дело в том, что после 1917 г. большевики, пытаясь закрепить свое влияние во власти, начали вести активную пропаганду новой идеологии. В деревне основным средством пропаганды стали газеты, количество которых в первые годы крестьяне активно просили увеличить. Однако, как позже выяснилось, газеты крестьянам нужны были только для изготовления самокруток. По мнению авторов, этот пример демонстрирует сразу два важных аспекта практического использования газет: во-первых, «их сопротивление успешно нейтрализовало воздействие власти», во-вторых, «благодаря практической смекалке крестьянам удалось использовать власти для собственной выгоды»⁴⁵. Парадоксально, но в нашем исследовании происходит ситуация, когда «слабая» власть зачастую в свою пользу переламинает навязываемый им властный дискурс от «сильной» власти.

⁴⁵ Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008. С. 194.

Таким образом, в повседневных практиках сталкиваются не только власть и подвластные, но и два разных уровня власти, где вторая зачастую выходит победителем благодаря своей «смекалке». Делает она это весьма творчески, перетолковывая в свою пользу те правила, которые навязывает «сильная» власть. Происходит обратный эффект, при котором, вроде бы, «потребители»⁴⁶ (говоря языком Мишеля де Серто) становятся производителями.

Как же эта схема работает в действительности? По подсчетам сотрудников опеки, в месяц им приходит порядка 500 сигналов от различных государственных учреждений, а также частные обращения граждан. Как было сказано выше, каждый сигнал должен быть отработан в трехдневный срок, а в то место, откуда поступил сигнал, необходимо отправить отчет о проделанной работе. Там, где было «наше» поле, отработкой сигналов занимается только один сотрудник. На весь отдел опеки выделен старенький автомобиль отечественного производства. Он используется не только тем специалистом, который осуществляет выезды в семью, но и другими сотрудниками, которые, к примеру, выезжают на этом автомобиле в суды. Довольно тривиальные математические вычисления позволяют нам понять, что среднее количество рабочих дней в месяце приблизительно равно 21 дню, продолжительность рабочего дня без обеденного перерыва равна 8 часам. Следовательно, в день один специалист должен отработать порядка 23-24 сигналов. На один сигнал в среднем уходит около часа, включая дорогу, пробки, зачастую долгие уговоры открыть дверь, периодические поломки автомобиля в пути и др. Таким образом, рабочий день должен продолжаться целые сутки. Важной деталью здесь является и то, что к детям до 5 лет сотрудник обязан выехать в течение суток. Такова реальность, с которой сталкивается представитель власти в данной ситуации.

В одном из отделов опеки и попечительства другого района города на отработку сигналов поставлены два человека, но также с одним стареньким

⁴⁶ Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008. С. 194.

ВАЗом, что усложняет им задачу. Сами работники все же рады такому раскладу дел, участница нашего исследования говорит о том, что исключительно благодаря непосредственному начальству, которое когда-то работало на «земле», этой работой у них занимаются два человека: *«Понимаешь, Антон, те люди, которые на «земле» не работали, они этого не понимают. Нам в этом плане повезло с руководством, т.к. они сами через это прошли, они видят, какой объем сигналов нам поступает».*

В рамках именно этой практики происходит трансформация из «потребителя» в «производителя», «слабая» власть перетолковывает в свою пользу то, что делает ее слабой, формирует новые способы действия: *«Порядка 500 сигналов нам приходит в месяц (только те, которые мы фиксируем), какие-то глупые, типа: «упал с дивана», мы уже не фиксируем, с больничек, с ОКБ мы перестали фиксировать в базе».*

Теперь поясним цитату участницы исследования, приведенную выше. По закону каждый сигнал должен быть зафиксирован в журнале входящих документов, помимо этого, он фиксируется и в единой электронной базе. Отдел опеки одного из районов Томска, чтобы наиболее «эффективно» наладить свою трудовую деятельность, перестал фиксировать ряд сигналов, считающихся, по их мнению, «глупыми», маловажными, не требующими внимания. Большинство таких оповещений приходит из медицинских учреждений, которые, по словам информантки, отправляют сигналы в опеку по каждому обращению к ним. Такая практика со стороны органов системы профилактики⁴⁷ существует не только среди медицинских учреждений, связанных с присутствием в них несовершеннолетних, но и со стороны образовательных учреждений, которые также осуществляют деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

⁴⁷ Федеральный закон от 24.06.1999 (ред. от 07.06.2017) «Об основных системах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» : [Электронный ресурс] : / Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2018. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (дата обращения: 05.10.2017).

В моей полевой работе весьма чувствовалось напряжение при взаимодействии между школой, медицинскими учреждениями и органами опеки. Прежде всего, это ярко проявлялось в очных встречах представителей государственных организаций. «Очными встречами» я называю Консилиум, проходящий раз в две недели в районной администрации, а также собрание Комиссии по делам несовершеннолетних. Помимо этого, зачастую Департамент по вопросам семьи и детей проводил и, думаю, проводит различного рода совещания, обучение тех инстанций, которые взаимодействуют между собой по вопросам нарушения прав несовершеннолетних, включая органы опеки, медицинские и образовательные учреждения. На таких мероприятиях представители каждой из организаций пытаются отстаивать свои интересы, переложить ответственность за судьбу несовершеннолетнего на плечи соседа.

Сложившаяся ситуация является импульсом не для консолидации, а, наоборот, для ослабления связей при взаимодействии между вышеперечисленными структурами. В качестве подтверждения наших мыслей приведем слова из интервью участницы исследования: *«Всё разрозненно, есть напряжение. Например, у образования вообще сложилось мнение: «а зачем париться, есть же опека», т.е. какие-то их профилактические... совет по профилактике, родителей они вызывают, с психологом должен работать, это же все несет свою форму отчета. Сейчас это не работает, они зачастую даже в семье не ходят, предпочитают скидывать на опеку. У всех масса претензий друг к другу: у образования к нам, у нас к образованию, к медицине, а, соответственно, у медицины к нам. Соломенку под каждое дело не подстелешь».*

Причины такого поведения кроются в особенностях того социального пространства, где происходят практики между задействованными во властном поле акторами. П. Бурдье, анализируя разделение труда в юридическом поле, писал: «Практическое значение закона в действительности не может определяться иначе, чем в конфронтации между

различными корпусами, движимыми специфическими разнонаправленными интересами, которые также поделены на группы, преследующие подчас противоположные интересы в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии...»⁴⁸. Органы, задействованные в контроле обеспечения прав ребенка со стороны родителей, оказались не только перевоплотившимися производителями права, но и теми, кто вступает в конфронтацию между собой на горизонтальном уровне.

При этом прямой конфронтации между властью, находящейся на разных уровнях (к примеру, отдел опеки и попечительства vs. Департамент по вопросам семьи и детей) нет, т.к. власть уровнем ниже находится в прямой зависимости от власти, чьи позиции выше. Прежде всего, это связано с толкованием закона, который считается единственно верным при толковании его теми, кто этот закон производит, а не теми, кто его транслирует. В этом случае наша система права напоминает романо-германскую, где настоящим правом называется то, которое является «правом профессоров», т.к. его характеризует примат доктрины над процедурой и всем, что связано с обоснованием решения. Романо-германский «оттенок» права в целом характерен для нашего государства. Однако работа органов опеки и попечительства при выезде в семью чаще сводится к прецедентам и зачастую носит субъективный характер.

Сами сотрудники органов опеки описывают это так: *«Работа наша вообще субъективная. Вот для меня, я пришла, блин, вот, у тебя стены желтые, а не зеленые или еще какие-то, все, я заберу. Это все... вот, чисто субъективный характер носит работа»*. Известно, что прецедентное право относится к англо-американской традиции, которая является слабо кодифицированной. Именно в этой правовой системе приоритет отдается процедурам, которые должны быть справедливыми и овладение которыми происходит на практике.

⁴⁸ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 84.

Таким образом, происходит скрытое столкновение двух правовых традиций в рамках организаций, отвечающих за одно и то же, однако отличающихся друг от друга кругом властных полномочий. К сожалению, для нашего государства вопрос правовой эффективности зачастую не является актуальным, однако, мы знаем, что «структурные границы эффективности собственно юридического действия зависят от того, чему принадлежит приоритет: «власти закона» (*the rule of law*) или бюрократическому регламентированию»⁴⁹. В связи с этим, властные звенья, располагающиеся у вершины иерархии, либо трансформируют закон, производя новое правовое знание, либо становятся гибкими к нему, создавая механизмы обхода некоторых острых углов. Прецедент не устраивает в этом поле игрока уровнем выше, поскольку он не входит в рамки истинно верного «профессорского права», стремящегося возвести его до уровня чистой теории.

Однако особенностью юридического поля является то, что его участники способны эксплуатировать двусмысленность законодательных трактовок. Для действий сотрудников органов опеки и попечительства зачастую выгодно использовать эластичность действующего закона (прежде всего, акта обследования жилищно-бытовых условий семьи несовершеннолетнего). Таким образом, закон, а точнее практика применения этого закона, становится результатом борьбы между людьми, знающими и использующими один и тот же правовой акт по-разному, между людьми, обладающими в определенной ситуации неодинаковыми социальными и техническими компетенциями. В связи с этим, взаимодействие между ними усложняется не только потому, что каждый из них представляет отличный от другого уровень власти, но и потому что значительно различается практическая и интерпретационная сторона каждой из властей.

Мы выяснили, что для российской действительности характерна конкуренция между прецедентным правом и правом «профессорским»,

⁴⁹ Бурдые П. Социальной пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 86.

поэтому органы опеки зачастую пытаются быть лояльными по отношению к высшей власти, одновременно боясь контролирующих органов. В чем же проявляются лояльность и страх?

После того, как мы узнали то, что работа сотрудников органов опеки носит «субъективный» характер, далее в процессе диалога с участницей исследования, пытаемся выяснить, существуют ли какие-то видимые критерии, угрожающие жизни и здоровью несовершеннолетнего. Для подтверждения наших слов приведем этот диалог ниже:

«В. – А что может угрожать жизни и здоровью ребенка? Что конкретно?»

О. – Какие критерии? Конечно, есть. Например, печное отопление в доме. Бывает, приезжаешь, а там дверки нет в печке, ребенок может подойти и ошпариться. Если в этот момент родители в состоянии алкогольного опьянения, то они за этим проследить не смогут. Был прецедент: у семьи машинка-автомат, не работала ручка, блокировка, т.е. машинка начала отжимать, ребенку 2.5 года, он подошел, открыл и сунул руку – ребенку оторвало руку. От болевого шока ребеночек умер. Хотя дома находилась чуть ли не целая толпа. Старшая сестра, но ей 10 лет всего, папа. Как выяснилось, папа спал, хотя это его прямая обязанность – следить за ребенком. Беспечность людская стоила жизни крохе. Что у нас еще? Электроприборы. Приезжали, отбирали. Деревянный дом, посреди комнаты стоит кастрюля, на ней лежит обогреватель с тенами, это все в доступе. Там, правда, мальчишки побольше были, там родители наркоманы, поэтому отбирали». Из ответа видно, что информантка приводит в пример случаи из своей практики, где явно присутствует та или иная угроза, она была замечена и зафиксирована, а как же быть, если угроза оказалась скрытой от глаз сотрудника опеки, какие последствия могут возникнуть в таком случае, если финал будет печален?

«В. – А если не заметил представитель опеки, а потом что-то произошло? Как в этом случае быть?»

О. – Конечно, может такое быть, но я пишу, что при посещении в конкретное время, что я там увидела, т.е. именно здесь и сейчас. Мы стараемся это описывать, но в любом случае, если что-то коснись, то тебя следственный комитет затаскает, потому что сам знаешь, что у нас такая система. У нас, вроде, и подведомственные есть структуры, как те же наши кураторы реабилитационных центров, но если что случится, виноват-то будешь ты, независимо от того, увидели они это или не увидели, ответственность несешь ты, потому что у тебя в должностной инструкции это прописано, что ты несешь персональную ответственность». Фраза об ответственности сотрудника органов опеки в любом случае, независимо от них самих, является основополагающей в контексте страха перед контролирующими органами, что в дальнейшем может трансформироваться в лояльность к вышестоящей власти. Стоит отметить, что страх в принятии решений данной профессиональной группы является зачастую доминирующим фактором. При первом собеседовании и трудоустройстве твой непосредственный начальник несколько раз предупреждает о том, что работа органов опеки контролируется различными структурами. Несмотря на то, что многое может случиться не по твоей вине, в конце все же будешь виноват именно ты, так как «у тебя в должностной инструкции это прописано, что ты несешь персональную ответственность». Существуют даже собственные «легенды», которые возвращают тебя в далекие времена, где какой-то сотрудник органов опеки, невнимательно обследовавший бытовые условия жизни несовершеннолетнего, оказался заложником ситуации, в которой ребенок к несчастью погиб, а тот самый сотрудник сел в тюрьму. Эти «легенды» от разных людей звучат по-разному, но это не уменьшает их функции создания ситуации страха вокруг тебя, твоих действий. Однако со временем это перестает быть источником самоконтроля, становясь инструментом перекладывания ответственности с себя на другого (в нашем случае на представителей медицинских учреждений и образования). Чем меньшей

долей ответственности ты наделен, тем бесстрашнее ты становишься, поскольку результат возможных негативных последствий станет проблемой не только представителя органов опеки. Отсюда берут свое начало конфликты, возникающее между ведомствами, осуществляющими совместный контроль над возможными нарушениями прав несовершеннолетних, отсюда же рождаются те взаимоотношения между разными государственными ведомствами – возникают новые практики интерпретаций ситуации сотрудниками органов опеки.

Возвращаясь к проблеме возможного необнаружения скрытой угрозы жизни и здоровья ребенка, мы предложили участнице исследования весьма провокационный выход из ситуации:

«В. –Может, тогда, проще всех забирать?»

О. –А если ты забираешь, то потом с тебя спрашивают, почему забрал. Видишь, тут палка о двух концах. Мы уже стараемся последнее время уговаривать родителей, объяснять последствия. Если я у тебя сейчас заберу ребенка по распоряжению главы, то через 7 дней я выхожу в суд, я тебя лишу. А если ты сейчас пойдешь со мной на сотрудничество, напишешь заявление, что ты просишь меня разрешить поместить твоего ребенка, а потом, после положительных твоих характеристик, мы тебе ребенка отдадим, в то же время, мне и в суд не нужно выходить. Если, конечно, она не будет сотрудничать, не будет ничего делать, то, тогда, уже идем в суд. А по отобранию-то, видишь, семидневный срок прописан в Семейном кодексе». Сложившиеся обстоятельства вынуждают сотрудников органов опеки менять схемы своего поведения не только с теми, о ком мы писали выше, но и с родителями, права детей которых были нарушены.

Сотрудник, обладая специфической властью, осмысливая несправедливость и зная права, начинает манипулировать юридическими нуждами, создавая их в некоторых случаях, усиливая либо сводя на «нет» – в других. Благодаря переводу языка с профанного на юридический, профессионалы заранее предлагают оценку шансов на успех, как и

последствий выбора родителями той или иной стратегии, одновременно создавая «подушку безопасности» и для себя, так как над ними начинает довлеть страх контроля, проверки и возможной вины в случае неудачи. Сотрудник отдела опеки и попечительства обеспечивает себе эксклюзивный контроль над ситуацией в том поле, которое пока остается подвластным только ему. Желание не допустить попадания в это поле вышестоящих агентов обличает специфическую власть, выраженную в юридическом знании, и позволяющую регулировать сам доступ.

Однако создание «подушки безопасности» не всегда гарантирует закрытость доступа к своему полю, если в игру входит еще один игрок, который располагается на том же уровне власти, что и органы опеки (в нашем случае). Приведем в пример ситуацию, где «подстраховаться» решили не только представители опеки, но и медицинское учреждение:

«В. –Т.е. это вы уже себе какие-то подушки безопасности придумываете?»

О. –Да, это мы уже себе подушки безопасности делаем. Потому что у нас сейчас есть прецедент на районе, мы по соглашению забрали, у мамы умственная отсталость, экспертизу назначали. Судебные тяжбы длятся с декабря месяца, т.е. 27 у меня сейчас будет последнее судебное заседание, надеюсь, что последнее. Я это к чему, потому что психологи на экспертизе тоже страхуются. Пишут в ней, что она самостоятельно не может осуществлять уход за детьми, их содержание, но угрозу жизни ребенку не предоставляют, вместо этого пишут: «требуется систематическое наблюдение компетентных органов», прикинь? Т.е. они не пишут, что она представляет угрозу жизни и здоровью детей, но в то же время пишут, что ваш контроль необходим, т.е. такое двойное... Сейчас я ходатайствую, чтобы этих экспертов пригласили, чтобы они в ходе судебного заседания дали нам разъяснения, о том, что они написали. Все себя страхуют, никто не хочет брать на себя ответственность... Как это? 7 дней в неделю, 365 дней в году? Это чисто физически невозможно. Как тогда? У нас нет в штате ни психиатров, ни наркологов, мы не компетентны в этих вопросах.

Все чисто субъективно, вот эта наша болтушка – уговаривать, разъяснять, объяснять – это все, что мы можем».

Таким образом, изменение мыслительного пространства, логически и практически связанного со сменой пространства социального не является тем инструментом, который позволяет представителям органов опеки и попечительства в одиночку обзавестись контролем над ситуацией. Право создает социальный мир, одновременно являясь порождением этого же мира. В связи с этим, как мы уже писали ранее, власть проявляется здесь и сейчас. Работа сотрудника органов опеки, связанная с массивом вновь возникающих прецедентов, зависит от множества факторов. П. Бурдые замечал, что «...необходимо сфокусировать внимание на совокупности объективных отношений, возникающим между юридическим полем – местом, характеризующимся сложными связями и обладающими относительной автономией, и полем власти, а через него – всем социальным полем. Именно внутри этого универсума отношений определяются средства, цели и специфические следствия юридической деятельности»⁵⁰. В связи с этим, в этом разделе мы попытались разобраться во взаимосвязи разных уровней власти, влияющих на поведение сотрудника в определенных профессиональных практиках. Однако для достижения максимального эффекта при анализе исследуемой профессиональной группы, особое внимание необходимо обратить на детальную связь социального поля с полем юридическим. Эта связь, на наш взгляд, проявляется в значении прецедентов (абсолютных явлений), с которыми в своей повседневной деятельности встречается данное профессиональное сообщество.

⁵⁰ Бурдые П. Социальной пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 104.

2.2 «Черный лебедь» опеки

Прецедент является характерным маркером работы сотрудников опеки. Можно возразить, что существуют универсальные операции при работе в семье. Действительно, к примеру, изъятие ребенка из семьи является четко регламентированным процессом, повторяющимся из раза в раз, но до момента изъятия происходит встреча с семьей, которая всегда будет являться уникальной. В этой ситуации встреча с семьей будет своего рода «черным лебедем» – «маловероятным, непредсказуемым событием, не вписывающимся в наши способы мышления о мире и поэтому остающимся «за скобками» привычных описаний и прогнозов»⁵¹. Если сосредоточиться на напряжении между определенным классом событий и социальным порядком, понимаемым, прежде всего, как порядок наблюдений и описаний, то встреча с семьей для сотрудника опеки будет явлением абсолютным, которое разрывает социальный порядок⁵².

В нашем исследовании нередко его участники рассказывали о встречах с семьей, когда «привычное» фреймирование сотрудников опеки оказывалось нерелевантным. Зачастую культурные дефиниции являлись наиболее демонстрирующими принадлежность встречи с семьей к категории «черных лебедей»: *«Так, что я видела... я видела у цыган, я не помню, как она называется эта штука – ребенок спит там, я, когда первый раз увидела, я обалдела тоже, прошлой зимой. Маленький ребеночек, я не помню, два или три месяца было, ну совсем еще крошка. Т.е. такое сооружение, т.е. она буквально такой ширины, ну, сколько в сантиметрах тебе сказать, наверное, сантиметров 15, не больше. И в длину, наверное, в метр, сбоку приделаны какие-то как палки, наверное, фиксирующие и посередине идет перекладина на высоте, наверное, сантиметров 40, не больше, она тоже как бы фиксирует, получается. И на этой перекладине навешана пеленка была, и*

⁵¹ Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М., 2015. С. 68.

⁵² Филиппов А.Ф. Пространство политических событий //Полис: Политические исследования. М., 2005. №2. С. 12.

этот ребенок на вот этой штуке (он мне назвал, как она называется, но, думаешь, я запомнила что ли) примотан пеленкой. При этом стоит нормальная кроватка рядом, у них два ребенка в семье, одному годика три и вот эта новорожденная девчушка. И он мне вот это открывает, и я обалдела, что там может спать ребенок, сроду бы даже не сообразила. Я вообще подумала, что просто вещи как бы сушатся, что пеленка накрыта. А я говорю, что, мол, она как бы углекислым газом дышит? Он отвечает, что я так вырос, жена выросла, бабушка, дедка, – все нормально». Именно такое явление в своем исследовании мы будем считать абсолютным. Заметьте, в каких деталях описывает увиденное сотрудник отдела опеки, помимо этого ей используются слова нашей речи, которые демонстрируют удивление в высшей степени (например: «обалдела»).

В.С. Вахштайн пишет: «Абсолютные события впоследствии могут быть подвергнуты де-абсолютизации...»⁵³. Иначе говоря, все то, что ранее казалось нам уникальным, оказывается привычным и рутинным. Такой процесс исследователи вслед за М. Вебером называют «оповседневливанием». Благодаря языку, человек все же описывает происходящее уникальное на тот момент времени для него явление, тем самым закрывая пробелы повседневности. «Системы фреймов наносят ответный удар: можно жить в плохо предсказуемом мире, но невозможно жить в мире неопишемом и неразличимом»⁵⁴.

По мнению В.С. Вахштайна, «оповседневливание» происходит посредством нескольких эффектов: 1) эффект Керета-Стругацких (эффект апроприации), 2) эффект Ровера, он же эффект типизации, 3) эффект Талеба – эффект рационализации, 4) эффект рутинизации (эффект Маккормика), 5) эффект профонации, 6) эффект институционализации (эффект Кеворкяна), 7) эффект детализации (эффект Корбута-Гарфинкеля). Возможна ли де-абсолютизация того явления, которое было зафиксировано сотрудником

⁵³ Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М., 2015. С. 73.

⁵⁴ Там же.

опеки. Все тот же В.С. Вахштайн заверил бы нас, что повседневность без оповседневливания невозможна не только с социологических позиций.

Здесь мы согласимся с российским социологом и приведем свои доказательства в поддержку этого. На наш взгляд, именно эффект институционализации или эффект Кеворкяна используется сотрудниками опеки для собирания цельного рисунка мозаики, именуемой повседневностью. Значение эффекта кроется в его названии – абсолютные явления институционализируются, становятся поддающимися логике кодификации. Джек Кеворкян – американский доктор, популяризирующий эвтаназию, но в США понесший за это наказание. Однако эвтаназия – абсолютное явление в то время, институционально была закреплена в ряде стран Европы. То же можно сказать и о легализации марихуаны в 2013 г. в одном из наиболее консервативных штатов – Колорадо. Стоит заметить, что эффект Кеворкяна не связан с институционализацией явлений сугубо в правовом поле.

Так называемые социальные институты широко распространены в нашей жизни и выходят далеко за пределы юридической кодификации правовых норм. Одним из таких институтов является мораль. В каком-то смысле проявлением морали будет являться толерантность. Термин, перекочевавший из медицины в социальные науки, а в дальнейшем закрепившейся в обыденном социальном взаимодействии. Именно терпимость к иному образу жизни становится инструментом оповседневливания в практиках сотрудников опеки. Однако важно отметить, что В.С. Вахштайн описывает эффекты оповседневливания через примеры, которые на первый взгляд представлены частными случаями, но одновременно они делают повседневностью то, что раньше таковым не являлось в рамках не отдельно взятого человека, а целых государств, наций и др. Виктор Семенович привел эти примеры для того, чтобы как можно шире продемонстрировать возможности эффектов, мы же в свою очередь раскроем

это несколько с иной стороны – со стороны повседневных практик и их интерпретации сотрудниками органов опеки и попечительства г. Томска.

Продемонстрируем эффект Кеворкяна в действии: *«Я же тоже свою культуру не могу никак навязывать – у вас есть кровать, что ж вы не спите. Мама с папой при этом спят на полу. Дома чистенько, т.е. все аккуратно, в этом претензий нет. Она там что-то стряпает, по-русски, можно сказать, вообще не разговаривает, т.е. весь разговор происходил через папу. Все чисто, опрятно, но говорит, что у нас вот так вот принято, мы спим и спим, ну, спите и спите, ради Бога»*. Мы продолжаем вести с участницей исследования диалог о том абсолютном явлении, с которым она столкнулась в инокультурной среде – встреча с семьей цыган. Разговор происходит после произошедшего, соответственно, к моменту нашей встречи должно было произойти оповседневливание. Оно происходит посредством эффекта институциализации: главный лозунг человека современного (равно человека толерантного, к тому же представителя власти, что очень важно) – *«Я же тоже свою культуру не могу никак навязывать...»* – «ненавязывание» культуры на сегодняшний день считается маркером принадлежности к институту морали через такой инструмент как толерантность. Участница исследования в диалоге со мной придает абсолютному явлению характер повседневного через современный перформативный языковой конструкт.

Приведем другой пример оповседневливания через действия эффекта Кеворкяна: *«Так, у кого я еще была. Какой-то армянин... мы были. Также там ребенок скакал как-то, мы не поняли, при этом находился почему-то на диване нож, и он там себе порезал ногу. Ну, эти люди как бы христиане, они как бы адекватные вообще, в основном-то и придерживаются всех наших видов на жизнь, за исключением каких-то своих небольших эмоциональных»*. Особое внимание в данном изречении следует обратить на одновременно этнические дефиниции (русские–армяне) и идентичную конфессиональную принадлежность (христиане–христиане).

Однако замеченная религиозная схожесть, а вместе с ней ряд близких друг к другу культурных фреймов («...в основном-то и придерживаются всех наших видов на жизнь...») дают возможность говорить об эффекте типизации. А. Шюц, описывая интерес социального ученого к типизации, говорил об этом так: «...мир, в котором мы живем, состоит из ограниченного числа объектов с более или менее определенными свойствами; объектов, среди которых мы передвигаемся, на которые мы можем воздействовать и которые сопротивляются этому воздействию. Однако ни один из этих объектов не воспринимается как изолированный. Он изначально помещен в горизонт уже знакомого и известного, воспринимается как неоспоримая данность до последующего упоминания, не проблематизированный, но в любое время проблематизируемый запас наличного знания. Непроблематизированный предшествующий опыт, однако, изначально дан как типизированный, т.е. несущий открытый горизонт ожидаемого сходного опыта»⁵⁵.

Именно религия в упомянутой ранее ситуации оказывается тем инструментом, который оповседневливает действительность. С помощью типизации произошло упорядочивание новой реальности, посредством превращения ее в доверяемую действительность. Стоит заострить внимание на том, что особой единицей в эффекте типизации является язык. Благодаря интервью, а затем его анализу, а не, к примеру, моему полевому опыту, нам удастся понять, что через язык опосредуются «нормальные» типизации. Помимо этого, язык дает понять, что моя типизация соответствует типизации других, «типичности» накапливаются в языке.

Одновременно с институционализацией могут вступать в игру и другие эффекты: «...все равно существуют какие-то национальные традиции, которым закон наш не под силу. Также, к примеру, поголовное рождение детьми детей. Цыгане рожают пачками, вот, у нас буквально в прошлую зиму все лето бодались. У нас есть такая цыганка, ей 15 лет, она

⁵⁵ Шюц А. Мир, священный смыслом. М., 2004. С. 11.

родила. Как бы тоже они бедные, но чистенькие. Кочуют тоже постоянно из квартиры в квартиру, мы так понимаем, что, в связи с тем, что у них нет оплаты за квартиру, но дома всегда чисто. Там бабушка этого ребенка – моя ровесница. Сама в 15 родила, эта в 15, т.е. у них это в порядке вещей. Ребенок у них спит в коляске, я говорю, что кроватку не купите? Она говорит, что подрастет и будет спать со мной. Т.е. у них вот это тоже принято, что днем они готовят это постельное белье, все эти матрацы, одеяла, потом, раз, убрали, в углу это все лежит». На первый взгляд четко видно действие эффекта Кеворкяна, проявляющееся через оповседневливание посредством встраивания абсолютного явления в социальный институт, связанный с традициями и ритуалами, принадлежащими определенной группе. И здесь же ранние цыганские браки и роды, большое количество детей в семье становятся элементами рутинной повседневности («цыгане рожают пачками», «у них это в порядке вещей») – действия эффекта рутинизации или эффекта Маккормика, названного В.С. Вахштайном в честь персонажа американского мультипликационного сериала «Южный парк» Кенни Маккормика. Этот герой умирал и воскресал без видимых на то причин. Таким образом, происходил процесс рутинизации абсолютного для нас всех явления – смерти, она перестала быть чем-то неожиданным. «Уникальные события разрушают сложившиеся рутины. Терракт в метро ломает повседневный социальный порядок; взрыв в подземке страшнее авиакатастрофы еще и потому, что метро – вероятно, самый рутинный, повседневный вид транспорта. Но как происходит рутинизация, опривычивание самих уникальных событий? В результате их повторения. Повторение террористических атак заставляет воспринимать их как что-то, скорее, встроенное в социальный порядок, нежели противостоящее ему»⁵⁶.

Мой опыт посещения семей при работе в органах опеки позволяет утверждать, что абсолютные события в такой деятельности случаются

⁵⁶ Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М., 2015. С. 83.

регулярно. Повторюсь, каждый выезд в семью – событие экстраординарное. Да, со временем ты начинаешь упорядочивать сигналы, поступающие от учреждений, и фраза в отношении младенца: «упал с кровати» не звучит для тебя так, как она звучала впервые. «Нет событий без наблюдений. Нет наблюдений без системы фреймов»⁵⁷. Описывая и наблюдая, я объяснял себе и встраивал падение ребенка с кровати в свою повседневность.

Со временем уже *эти* события стали для меня рутиной, удалось оповседневить их. При каждом приезде по такому сигналу, вырисовывалась одна и та же картина: молодая мама отлучилась на несколько минут от наблюдения за грудным ребенком, в момент ее отсутствия ребенок падает с кровати/дивана и т.п. Незамедлительно родители везут младенца в больницу, откуда и поступает сигнал в органы опеки и попечительства о возможном нарушении прав ребенка. На всех выездах по таким сигналам мне встречались «хорошие семьи» в рамках моих фреймов. Эти семьи были с двумя родителями, в доме было чисто, тепло, детское питание и одежда также присутствовали в нужном количестве.

Таким образом, то, что я видел, я всегда сопоставлял со своим опытом. Собственных детей у меня нет, и этот опыт сводился к тому, что я, будучи ребенком, наблюдал в своей семье. Так для меня появилась первая категория сигналов, мои ответные действия на них во многом были схожи с действиями коллеги из другого района города, чьи слова из интервью я уже приводил в пример, но несколько в иной ситуации. Все же напомним их: *«Порядка 500 сигналов нам приходит в месяц (только те, которые мы фиксируем), какие-то глупые, типа: «упал с дивана», мы уже не фиксируем, с больничек, с ОКБ мы перестали фиксировать в базе»*. Сигналы, поступающие в тот орган опеки, на территории которого я работал, все же фиксировали в журнале входящих документов, затем на исполнение документ передавали мне. Однако появившаяся категория сигналов дала право в будущем времени (*это*

⁵⁷ Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М., 2015. С. 92.

особенность эффекта Маккормика) рутинизировать еще несостоявшиеся явления и реагировать на сигнал со словами типа: «упал с дивана» способом, отличающимся от того, который предписывает закон. Если быть точнее, то я знал, что в рамках той повседневности, которая вырабатывалась у меня, правам и здоровью ребенка ничего не угрожало исключительно в контексте моих фреймов.

Визит в такую семью я стал осуществлять двумя способами: 1) отработку такого рода сигнала я откладывал в долгий ящик, не соблюдая установленный законом срок, но, если находился где-то рядом, то заходил в эту семью, составлял акт обследования жилищно-бытовых условий, а ответ в отправляющую организацию зачастую отправлялся «задним числом»; 2) но наиболее часто практикуемый мной способ визита в такую семью был следующим: акт обследования жилищно-бытовых условий я составлял по телефону; разговаривал с одним из родителей, который описывал дом, рассказывал о себе и о своем супруге, в деталях раскрывал ситуацию, в которой был задействован ребенок и из-за которой сигнал поступил в отдел опеки и попечительства.

Ни один я в своей практике оповсередневливал реальность через эффект рутинизации. Весьма интересные комментарии по этому вопросу я услышал в одном из интервью с представителем органов опеки и попечительства. Информантка также выделяет в особую категорию сигналы того вида, который я описал выше: *«Приезжаешь, и у мамочки, особенно если первый ребенок, мамочка вот такая ошалевшая, молодая, там ей года 23-25, она стоит испуганная вся. Я говорю, родители, наоборот, вызвали скорую помощь, оказали беспокойство по состоянию своего ребенка, сделали необходимые манипуляции, а тут мы еще приходим с полицией: ай-ай-ай, что это у тебя тут ребенок падает. Ну, т.е. это бред, конечно. Государство у нас, конечно, неправильно... С другой стороны, если по-другому на эту ситуацию посмотреть, мало ли, что мы можем выявить. У меня у самой двое детей, и у самой они летали, но благо они у меня выросли в*

то время, когда не было вот этих сообщений». Однако стоит отметить тот факт, что в отличие от меня, участница нашего исследования сама мать двоих детей, что несколько меняет ее отношение к сложившейся ситуации. С этой позиции весьма интересными становятся ее рассуждения о функции и действиях государства в лице органов опеки, которые могут «отпугнуть» молодых родителей от обращения все к тому же государству, но уже в лице медицинских учреждений. При этом сама информантка в определенных обстоятельствах выступает в роли не только матери двоих детей, но и государства. Иначе говоря, выходит парадоксальная картина, когда государство рассуждает о государстве: сначала это рассуждение имеет относительно негативные коннотации, затем, наверное, для того, чтобы все же оправдать свою деятельность, участница исследования начинает предостерегать сама себя от опасности, которая все же может случиться при выезде (что еще хуже невыезде) в такую семью. Затем вновь происходит отсылка к тому, что все же стоит пересмотреть некоторые позиции существующего законодательства, связанного с защитой прав несовершеннолетних граждан нашего государства. Сама информантка радуется от того, что во время младенчества ее детей не было столь жесткого контроля над возможными нарушениями прав несовершеннолетних со стороны органов опеки и попечительства. С учетом того, что мой трудовой коллектив был представлен преимущественно женщинами, многие из которых имели детей, подобного рода высказывания я слышал в своей практике неоднократно.

Складывается удивительная ситуация, когда сотрудники органов опеки при моделировании случая, связанного с их собственными детьми, не горят желанием встретиться с собой лицом к лицу. При работе в поле этот вопрос, связанный с отношением к сотрудникам органов опеки и попечительства вызывал у меня интерес. Подробно разбираться с ним я начал, изучая женские форумы, на которых мамы делились своим опытом встречи с сотрудниками опеки. Реакция была неоднозначной, а зачастую носила

негативный оттенок. Мне удалось выяснить, что существуют целые инструкции на тему того, как нужно вести себя «молодым мамочкам» при встрече с органами опеки, форумы наполнены материалами о том, как органы опеки «кошмарят» семьи. В комментариях к новостям с заголовками «что делать, если к вам приехала опека» обвиняют ювенальную юстицию, а поскольку считается, что это изобретение Запада, начинают ругать и Европу с США с их законами «против людей»⁵⁸.

В своем собственном поле подобных высказываний со стороны посещаемых мной семей я не слышал, однако зачастую мой приход вызывал как минимум удивление, перетекающее в обеспокоенность, а как максимум злость, недовольство, перетекающее в угрозы. Участница нашего исследования в своем интервью упомянула, что некоторое время назад, когда органы опеки только начинали вести свою деятельность, их часто обвиняли в различного рода заговорах, в результате которых ребенка изымут, а его дальнейшая судьба окажется в руках представителей органов опеки. Например, по мнению некоторых родителей, ребенка могли изъять и отправить в приемную семью в США: *«...раньше всегда говорили и нас даже обвиняли, цитирую: «вы шакалите на благо американцев, отнимая у нас детей и продавая, спекулируя...». Типа, мы лично решили: сидим у себя в кабинете, все приняли и решили, что сегодня едем к этой семье, забираем детей и продаем туда-то, туда-то. Ну, т.е. на таком уровне».*

Регулярными в адрес представителей органов опеки являются высказывания о том, что за изъятие ребенка сотруднику полагаются преференции в виде не только устного поощрения от вышестоящего руководства, но и в виде материального стимулирования. Информантка утверждает, что это не только обывательский взгляд на деятельность органов опеки и попечительства: *«Причем это, я когда даже лишала родительских прав, у адвоката такое же мнение, понимаешь. Выходим из суда, лишили:*

⁵⁸ Что делать, если к вам пришли органы опеки : [Электронный ресурс] : / Чистый интернет. 2000–2018. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6172/ (дата обращения: 13.09.2017).

«ну что, сколько сейчас получишь премии?», я говорю: *«женщина, я после этих слов с вами даже не собираюсь разговаривать, вы вообще не компетентны, если вы верите каким-то слухам, которые ходят на этом уровне, ну, и, пожалуйста, дальше, тогда, продолжайте верить, до свидания»*. Если у адвокатов такое мнение, то о чем можно тогда говорить. Конечно, люди в шоке. Все боятся». Вышеуказанное высказывание дает нам основания для того, чтобы предположить, что формируемый образ органов опеки зачастую вызывает у людей совершенно разную реакцию. Зачастую сотрудники органов опеки выступают в роли славянского ночного духа «бабайки», которым нас всех в детстве пугали перед сном. Только в сложившейся ситуации пугают «опекой» не детей, а их родителей. Пугает школа, пугают медицинские учреждения, пугают собственные соседи, с которыми перестали складываться отношения.

Работники социальных служб западных государств сталкивались с этическими дилеммами, приведенными выше, гораздо раньше. Основной вопрос, который беспокоит и нас сейчас, и Запад раньше: непонятно, как на язык юриспруденции «перевести» слова повседневности о «нормальном воспитании». В связи с этим, проникновение государства в семью еще и без отлаженных механизмов понятия нормы в этом деликатном вопросе встречает сопротивление со стороны активных родителей, не желающих встречаться с представителями органов опеки и не принимающих закон таким, каковым он является на данный момент. Если в нашем городе эти сопротивления имеют местечковый характер, связанный, прежде всего, с обращениями родителей в вышестоящие/контролирующие инстанции (о чем мы писали ранее), то в столице нашего государства ведется более активная борьба со стороны родителей, объединенных в единый фронт. Основным институтом (помимо государства), связанным с вопросами воспитания детей и семьи в целом в нашем государстве является Русская православная церковь. Именно она выступает ядром консолидации родительских общественных организаций православно-консервативной направленности.

Например, родители объединяются вокруг «Родительского всероссийского объединения» и «Ассоциации родительских комитетов и обществ». Зачастую такие организации исповедуют антилиберальные настроения, предлагая государству материально обеспечивать семьи и помогать социально, но при этом не вмешиваться во «внутреннюю» жизнь семьи. Ими пропагандируются консервативные (православные) семейные ценности: многодетность, борьба с абортами, религиозность⁵⁹.

Либерально настроенные семьи, родители, граждане видят в деятельности органов опеки и попечительства некую форму борьбы политического режима России с оппозицией. Прежде всего, это связано с продолжающимся до сих пор несогласием с «Законом Димы Яковлева», по которому усыновление иностранцами российских детей запрещается⁶⁰.

«Раздавалась критика социального патроната и в СМИ. Например, «Комсомольская правда» опубликовала статью под названием «Толстые тетки будут ломиться в двери и шарить по холодильникам», описывая функциональные обязанности социальных работников и представляя их в качестве «врагов» семьи. В. Путин заявил, что «ряд положений <...> неоднозначны в трактовке, содержат явные социальные риски, и, главное, в них далеко не в полной мере учтены российские семейные традиции»⁶¹.

Все это меняет повседневные практики представителей исполнительной власти. К примеру, нам удалось выяснить, что для того, чтобы была возможность беспрепятственно попасть в квартиру, сотрудники, набирая на домофоне соответствующие цифры, представляются «администрацией» такого-то района. Хотя изначально представлялись именно «опекой», но это серьезно затрудняло доступ в семью: «...когда

⁵⁹ Пчелинцев С. Благодарим за помощь детям, сиротам, инвалидам и многодетным. : [Электронный ресурс] : / Ассоциация Родительских Комитетов и Сообществ России – АРКС Официальный сайт. [М.], 2014. URL: <http://goo.gl/iwVMiA> (дата обращения: 23 мая 2017).

⁶⁰ Навальный А. Один день – одно имя. Мария Баронова. : [Электронный ресурс] : / LiveJournal. URL: <https://clck.ru/A3ph6> (дата обращения: 1 октября 2016).

⁶¹ Сересова У., Шутикова Е. Профессионалы и приемные родители: стратегии взаимодействия // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. №4. С. 499.

попервости устроились, в домофон скажешь: опека, все: ааа...слышно, что там люди чуть ли не в обморок падают возле этого домофона».

Делая вывод к данному разделу, можно сказать, что оповседневливание абсолютных явлений, с которыми в своей работе встречаются сотрудники отделов опеки и попечительства, происходит, во-первых, разными способами (участие разных эффектов), во-вторых, огромное значение имеет прецедент (кейс), с которым приходится работать. Действия прецедента весьма велико для того юридического поля, в котором происходят основные события. В связи с этим, в дальнейшем, возможно, должна быть пересмотрена сама законодательная база, на которой основывается деятельность органов опеки и попечительства, т.к. она идет вразрез с тем, что порой встречает перед собой сотрудник.

Заключение

В ходе исследования нам удалось подтвердить гипотезу, которая была выдвинута нами ранее. Действительно, интерпретация нормы закона происходит относительно ситуации, где мы имеем дело с когнитивными моделями ситуации – взглядами на ситуацию. Эти взгляды зависят от массива факторов, рассматривать которые необходимо в парадигме жизненного мира сотрудника опеки и попечительства, формируемого определенными обстоятельствами.

Во-первых, огромное влияние на мотивы профессионала, применяющиеся в той или иной ситуации, оказывает взаимодействие разных уровней власти, на которых расположены социальные службы, осуществляющие патронаж семьи. Только одни пытаются применить закон, созданный вторыми, и подчас не применимый. Боясь наказания за неприменение, сотрудник органов опеки и попечительства обеспечивает себе эксклюзивный контроль над ситуацией в том поле, которое пока остается подвластным только ему. Желание не допустить попадания в это поле вышестоящих агентов обличает специфическую власть, выраженную в юридическом знании, и позволяющую регулировать сам доступ. Та гибкость в социальной работе, к которой пришел Запад, становится невозможна в современной российской реальности, где столкновение властей происходит посредством разделения, с одной стороны, на прецедентную систему права, с другой – на «чистое профессорское» право. Координация по этому вопросу перестает быть возможной из-за страха власти уровнем ниже. На примерах мы показали, как такая взаимосвязь влияет на мотивы и в конечном итоге трансформирует саму ситуацию, которая порой идет вразрез с основной идеологией социальных работников – «сохранение семьи».

Во-вторых, помимо страха перед вышестоящими инстанциями, «творить», менять произношение закона, исходя из реальности, сотрудникам органов опеки и попечительства позволяет оповседневливание реальности.

Правовая норма в чистом виде перестает быть таковой после накопления жизненного опыта и выстраивания новой системы фреймирования мира. Институционализация, типизация, рутинизация становятся теми инструментами, которые влияют на когнитивную модель интерпретаций ситуации. С каждым новым выездом в семью происходит разоружение «черного лебедя» через процесс создания мира понимаемого и воспроизводимого для профессионала, происходит упорядочивание его практик. С этого начинается осознание «субъективности» своей работы и желание быть гибким истолкователем закона (т.к. я знаю, что здесь чисто, тепло, несмотря на отсутствие кровати), желание отказаться от «непонятной» нормы во благо интересов семьи. Это та реальность, это те практики, которые переживает сотрудник органов опеки и попечительства, однако они не стыкуются с тем, что дает ему закон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства (№ 42197–6)» [Электронный ресурс] // Библиотека адвоката Жарова. – Электрон. дан. – М., [2018]. – URL: <http://zharov.info/teoriya-i-nauka/pravo/42197-6> (дата обращения: 21.01.2018).
2. Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации № 272-ФЗ от 28.12.2012 г.» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. [2005–2018]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162472&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 21.01.2018).
3. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. дан. – [2005–2018]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (дата обращения: 22.01.2018).
4. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. дан. – [2005–2018]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (дата обращения: 22.01.2018).

НОВОСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

5. Навальный А. Один день – одно имя. Мария Баронова [Электронный ресурс] / LiveJournal. – Электрон. дан. – [2018]. – URL: <https://clck.ru/A3ph6> (дата обращения: 1 октября 2016).
6. Пчелинцев С. Благодарим за помощь детям, сиротам, инвалидам и многодетным [Электронный ресурс] // Ассоциация Родительских Комитетов и Сообществ России – АРКС Официальный сайт. – Электрон. дан. – М., [2014]. – URL: <http://goo.gl/iwVMiA> (дата обращения: 23 мая 2017).
7. Что делать, если к вам пришли органы опеки [Электронный ресурс] // Чистый интернет. – Электрон. дан. – [2000–2018]. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6172/ (дата обращения: 13.09.2017).

Литература

8. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том I. № 1. – С. 98–124.
9. Антропология профессий : сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. – Саратов : Научная книга, 2005. – 464 с.
10. Арутюнова Э.В. Органы опеки и попечительства как субъекты процедуры усыновления // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 124–126.
11. Батыгин Г.С. Континуум Фреймов: Драматургический реализм Иривинга Гофмана // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2001. – № 2. – С. 5–24.
12. Бочаров Т. Антропология права по Латуру: от сетевого анализа к языку ценностей Рецензия на книгу: Latour B. The Making of Law: an Ethnography of the Conseil d'État. Polity, 2010 // Социология власти. – 2015. – Т. 27, №2. – С. 258–263.

- 13.Бурдо Е.П. Совершенствование системы органов опеки и попечительства по обеспечению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних детей в свете Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы // Марийский юридический вестник. – 2015. – №1 (12). – С. 102–104.
- 14.Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые ; отв. ред. перевода, сост. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2014. – 576 с.
- 15.Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах / В. Вахштайн. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2015. – 176 с.
- 16.Вахштайн В.С. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. – 2003. – № 3. – С. 8–26.
- 17.Волков В., Хархордин О. Теория практик / В. Волков, О. Хархордин – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
- 18.Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
- 19.Гирц К. Мыслящий дикарь: О работе Клода Леви-Стросса / К. Гирц. Интерпретация культур. – М., 2004. – С. 329–342.
- 20.Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы / А. Готлиб – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2002. – 382 с.
- 21.Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман – М. : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
- 22.Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман Пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М. : Канон–пресс–Ц, 2000. – 304 с
- 23.Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль – М. : Академический проект, 2009. – 489 с.

24. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
25. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм – М. : Канон, 1996. – 533 с.
26. Жаглина Марина Евгеньевна Споры о детях: процессуальные аспекты // Вестник ВИ МВД России. – 2017. – №2. – С. 2–6.
27. Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. – № 1/2. – 2006. – С. 74–90.
28. Карибян С.О. Правовое регулирование социального сиротства в России // Вестник ВУиТ. – 2013. – №2 (78). – С. 2-11.
29. Колодий Н.А., Кнехт Н.П. Феноменолого-герменевтическое обоснование социальной онтологии // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. № 6. – С. 149–153.
30. Кузнецов Д. Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // Социология власти. – 2015. – Т. 27, №2. – С. 16–47.
31. Миллинг К.Э. Дети, страдающие от плохого обращения / К.Э. Миллинг Энциклопедия социальной работы, Том 1. – М. : 1993. – 534 с.
32. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию: пер. со швед. / П. Монсон – М. : Весь мир, 1994. – 96 с.
33. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. № 3. – С. 3–12.
34. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова – Саратов : Саратов. гос. техн. унт-т, 2004. – 258 с.
35. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Методы прикладных социальных исследований. Учебное пособие / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова – М. : ООО «Вариант», 2008. – 215 с.

36. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под редакцией В. А. Мансурова – М. : Институт социологии РАН, 2007. – С. 12–32.
37. Сересова У., Шутикова Е. Профессионалы и приемные родители: стратегии взаимодействия // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14. №4. – С. 493–506.
38. Титаев К. Что же такое «по закону»? История поиска ответов // Социология власти. – 2015. – Т. 27, №2. – С. 8–15.
39. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис: Политические исследования. – 2005. – №2. – С. 6–25.
40. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
41. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 496 с.
42. Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
43. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. – 2004. – Т. XIII. № 2. – С. 66–95.
44. Chantal T. Max Weber, Talcott Parsons and the Sociology of Legal Reform: A Reassessment with Implications for Law and Development // Minnesota Journal of Int'l Law. – 2006. – Vol. 15:2. – P. 383–424.
45. Ewick P., and Silbey S.C. The Common Place of Law / P. Ewick, S.C. Silbey – Chicago : University of Chicago Press. Part III, 1998. – 336 p.
46. Ferguson H. Protecting Children in Time: Child Abuse, Child Protection and the Consequence of Modernity / H. Ferguson – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 262 p.

47. Friedman Lawrence M. Coming of Age: Law and Society Enters an Exclusive Club // Annual Review of Law and Society Science. – 2005. – 1:1–16.

Приложение

Расшифровка глубинного интервью участников исследования

22.03.2017 18:15

00:00-01:15

В. – Здравствуйте еще раз, давайте начнем интервью. Но для начала хотелось бы озвучить проблему, которая, на мой взгляд, существует в Вашей деятельности. Когда я сам работал в опеке, мы приезжали к нерусским семьям, и у этих семей было не все в порядке. Что такое опека? Ты приезжаешь, у тебя есть специальный акт, ты работаешь по этому акту, проверяешь наличие того или другого. Соответственно, у этих семей, с нашей точки зрения, было что-то не так, потому что акт не заточен под культурное многообразие нашей страны, он, наоборот, унифицирует всех. К примеру, для цыган нормально спать на полу.

О. – Я понимаю, о чем ты говоришь.

В. – Вот, об этом бы хотелось поговорить.

О. – Какие случаи я видела?

В. – Какие случаи видели, да...

01:15-05:52

О. – Так, что я видела... я видела, я не помню, как она называется эта штука – ребенок спит там, я, когда первый раз увидела, я обалдела тоже, прошлой зимой. Маленький ребеночек, я не помню, два или три месяца было, ну совсем еще крошка. Т.е. такое сооружение, т.е. она буквально такой ширины, ну, сколько в сантиметрах тебе сказать, наверное, сантиметров 15, не больше. И в длину, наверное, в метр, сбоку приделаны какие-то как палки, наверное, фиксирующие и посередине идет перекладина на высоте, наверное, сантиметров 40, не больше, она тоже как бы фиксирует, получается. И на этой перекладине навешана пеленка была, и этот ребенок на вот этой штуке

(он мне назвал, как она называется, но, думаешь, я запомнила что ли) примотан пеленкой. При этом стоит нормальная кровать рядом, у них два ребенка в семье, одному годика три и вот эта новорожденная девчушка. И он мне вот это открывает, и я обалдела, что там может спать ребенок, сроду бы даже не сообразила. Я вообще подумала, что просто вещи как бы сушатся, что пеленка накрыта. А я говорю, что, мол, она как бы углекислым газом дышит? Он отвечает, что я так вырос, жена выросла, бабка, дедка, – все нормально.

В. – Т.е. он сказал, что это для них нормально?

О. – Я же тоже свою культуру не могу никак навязывать – у вас есть кровать, что ж вы не спите. Мама с папой при этом спят на полу. Дома чистенько, т.е. все аккуратно, в этом претензий нет. Она там что-то стряпает, по-русски, можно сказать, вообще не разговаривает, т.е. весь разговор происходил через папу. Все чисто, опрятно, но говорит, что у нас вот так вот принято, мы спим и спим, ну, спите и спите, ради Бога. Просто есть у нас цыгане, не так давно их лишили родительских прав, КДН лишил. Это «бедные» цыгане называется. Они попрошайничают на «Палате» стоят. Они не пьющие, вроде как. Сын токсикоман, ему 15 лет. И они, вот, всей гурьбой... Я один раз приехала, а они сидят – и этот папашка, и этот пацан, как я называю, сидят кайфуют. Т.е. оба сидят, текут. Там дома, ну, там жуть вообще. Т.е., как зашли с улице и пошли, т.е., соответственно, грязища полная. Она, Рубина, сразу хватает веник и при тебе пытается порядок навести. Я это к чему, т.е. они легли на этот грязный пол, тут же своей курткой укрылись, на полу какое-то одеяло валяется черного цвета, т.е. это вот так тоже есть. Лишили. Она ходила, мы ей объясняли, что так нельзя, т.е. какие-то предпосылки перед этим предпринимала. Мы ей говорили, что у тебя последний шанс, если ты его на лечение не кладешь, то все. Положили на лечение, а, что толку, он сбежал, конечно, он токсикоман уже со стажем. Т.е. уже ничего хорошего, у них если с папой это принято, если они с папой

сидят кайфуют, вместе употребляют, то как по-другому то. Я уже сделала вывод, что они, возможно, не только токсикоманят.

В. –Ну, тут уже проблема, характерная не только для цыган, она уже вообще в принципе существует, и поэтому так.

О. –Была я у других цыганей, у чистых была цыганей. Т.е. они не особо богатые, но чистенькие, т.е. у каждого отдельное место организовано, т.е. двуспальная кровать у родителей и ребеночка. Что я ездила... А, отказались от госпитализации они, ну, т.е. после роддома она сколько-то побыла – день, два, и выписались. Оформив отказ, мы все равно едем, но там было все хорошо. Так, у кого я еще была. Какой-то армянин мы были. Тоже там ребенок скакал как-то, мы не поняли, при этом находился почему-то на диване нож, и он там себе порезал ногу. Ну, эти люди как бы христиане, они как бы адекватные вообще, в основном-то и придерживаются всех наших видов на жизнь, за исключением каких-то своих небольших эмоциональных. Вот.

05:52-11:17

В. –Так, ну, а, например, вот такая ситуация: приехали вы, там цыгане, кроватка такая стоит, как Вы описывали, видите, что по нашим законам его надо забрать. Ребенка надо забрать, как-то это дело дальше развивать, случай открывать, еще что-то, но он говорит, не надо, у нас так принято, я ничего не могу с этим поделать. Как он сам сказал: я так жил, мать так жила, ребенок, я ничего с этим не могу поделать. Как в этой ситуации Вы себя поведете? Компромисс или закон?

О. –Компромисс, потому что все равно существуют какие-то национальные традиции, которым закон наш не под силу. Также, к примеру, поголовное рождение детьми детей. Цыгане рожают пачками, вот, у нас буквально в прошлую зиму все лето бодались. У нас есть такая цыганка, ей 15 лет, она родила. Как бы тоже они бедные, но чистенькие. Кочуют тоже постоянно из

квартиры в квартиру, мы так понимаем, что, в связи тем, что у них нет оплаты за квартиру, но дома всегда чисто. Там бабушка этого ребенка – моя ровесница. Сама в 15 родила, эта в 15, т.е. у них это в порядке вещей. Ребенок у них спит в коляске, я говорю, что кроватку не купите? Она говорит, что подрастет и будет спать со мной. Т.е. у них вот это тоже принято, что днем они готовят это постельное белье, все эти матрасы, одеяла, потом, раз, убрали, в углу это все лежит. В поликлинику тоже ходят, все нормально. Здесь ситуация я понимаю в чем, здесь компромисс будет в любом случае. Мы-то забираем при непосредственной угрозе жизни и здоровью. То, что ребенок спит на полу, в чем здесь угроза жизни его и здоровью? Здесь его права не ущемляются, поскольку ребенок ничего другого никогда не видел, в их семье так принято из поколения в поколение. Навязывать что-либо другое мы тоже не в праве, рекомендовать – всегда. Наша работа, сам понимаешь, исключительно рекомендательный характер.

В. –А с мигрантами как? Это все-таки люди, которые имеют гражданство, цыгане практически все имеют.

О. –У нас сейчас есть такая гражданка Луганска. Она, конечно, пьющая. Но мы ее сейчас прижали, детей летом забирали. Двоих забрали. У нее двойняшки.

В. –У мигрантов вы имеете право детей забирать – опека? Только опека? Также как и с гражданами России?

О. –У нее паспорт беженца, Россия ей предоставила временное убежище, в связи с тем, что она выехала с территории военных действий. Мы забирали, потому что она как бы пила. Но ей все помогали. И церковь до сих пор помогает, сейчас она на работу устроилась. У нее вообще по идее было трое несовершеннолетних детей, когда она приехала к нам в Россию. Она с парнем начала жить прилично себя младше. Родила от него двойняшек – мальчика и девочку. Потом этого парня в какой-то очередной драке пьяной

убивают, т.е. она становится матерью-одиночкой. Она была матерью-одиночкой, но тут и его не стало.

В. –Ну, т.е. теперь еще по факту она мать-одиночка?

О. –Да, еще и по факту. Что пила она, конечно, ну... Вот, у нее и забирали, но то, что надо, она все выполнила, тетка такая пробивная. Здесь надо ей должное отдать. Везде сходила, на нас всяко пожаловалась, что мы ей детей удерживаем, не отдаем. Т.е. в этом плане она как бы молодец. Как говорится, язык до Киева доведет, вот, он её этот язык и держит в России. Он ей помогает выживать. Потому что ей помогают все: церкви, ЦСПН выделял средства, когда они только приехали. Кто как может: кто вещами, кто материально. Но сейчас подросли ребятишки... Здесь главное все бы и ничего, главное, не пейте, никто к вам лезть и не будет. То, что вы граждане Луганска, мы к вам претензий вообще не имеем. Живите спокойно и живите. Предоставил Томск вам убежище – живите, работайте, платите налоги, воспитывайте детей. Как кто может ей, так и помогают. Вот, «Рука помощи» есть у нас такое. Я думаю, ты знаешь. И они ей помогали тоже частично вещами, частично материально, кто, чем может, с миру по нитке. Т.е. я говорю, что она в этом плане молодец, что она везде как бы, вот, в эти общины как бы вникла, и они ей эту помощь оказывают.

11:17-15:37

В. –Цель опеки ведь все равно сохранить семью, неважно какая это семья?

О. –Цель опеки, конечно, да.

В. –А такой главный фактор – это угроза жизни и здоровью ребенка? Главное, чтобы в настоящий момент не угрожало, неважно, что ты и кто ты.

О. –Неважно, да.

В. –Просто, я недавно прочитал одну статью, не знаю, может быть слышали. В Питере одного ребенка забрали из таджикской семьи в 2015-2016 году, мальчик годовалый. Был рейд ФМС, у родителей не было документов, не успели они их сделать, часто такое бывает.

О. –На ребенка? Или вообще?

В. –Вообще не сделали. Родителей забирает ФМС в комнату для ожидания депортации, а ребенка забрали, разлучили с матерью, потому что мать, якобы, просто не говорила по-русски и не могла объяснить, что документы на ребенка и т.д и т.п. на ребенка есть. И она не смогла это объяснить. Были там, вроде как, и ФМС, и полиция, и опека. Ребенка забрали, определили в дом ребенка, перед этим продержали его какое-то долгое время в полиции. Не подпускали родителей, бабушка туда в полицию прибежала, ее тоже не пускали, а ребенок в последующем умер. Там сильно взбунтовалась таджикская диаспора.

О. –Конечно, и правильно!

В. –Вот такой прецедент. Из-за того что человек не говорит на русском языке, не смогла объяснить...

О. –Это ваша проблема, ФМС. Приглашайте тогда переводчика. Я лично считаю, что здесь в первую очередь проблема получается у ФМС. Вы приехали, вы видите, что есть ребенок. Опека не говорит на всех языках, мы не полиглоты. У нас нет таких обязанностей, они даже не предусмотрены. Я лично считаю, что ФМС, работая с такими гражданами-нероссиянами, должен быть какой-то контакт хотя бы. Она что-то пытается объяснить, ты позвони, пригласи и выясните, вдруг, у ребенка, действительно, есть какое-то тяжелое заболевание. На худой конец, он на грудном вскармливании, и почему должны лишать ребенка грудного вскармливания, нарушая тем самым его права, потому что он уже личность, неважно, гражданин он

России или Таджикистана или еще какого-нибудь Зимбабве. Это, конечно, жесть вообще. Я думаю, что их всех под суд.

В. –Там вообще, вроде как, замяли все, и дело не идет. До сих пор продолжают разбирательства, недовольства.

О. –Я считаю, что это, конечно, несправедливо. Я тоже отчасти расистка, наверное, исключительно потому, как они себя здесь ведут, на территории нашего города. Вы ведите себя по-человечески, и отношение к вам будет человеческое. Они же не все себя так по-скотски ведут. У нас в администрации тоже есть азербайджанец... А то, конечно, несправедливо. Ну, такая у нас система правосудия. Надо наказывать однозначно, нельзя к этому так попустительски относиться. Сегодня он гражданин Таджикистана, завтра, не знаю, еще какой-то страны, а послезавтра это наш гражданин. Раз прокатило, два прокатило, сам знаешь, – русский народ, – если мне все с рук сошло, что я буду париться. Не буду я ни в чем разбираться, возьму и заберу. Как у нас некоторые детские дома считают, тот же «Росток»: вам же проще забрать ребенка. Вы забираете не на сохранение кровной семьи. Что я им буду рассказывать, что и как я делаю? Колоссальная работа с семьями проводится, ты это сам все прекрасно знаешь. В крайнем случае мы это делаем (забираем ребенка из семьи).

15:37-19:03

В. –Я почитал недавно, на самом деле многие опеку боятся. Я зашел на один женский форум, там мамочки...

О. –Вот, ты когда ездил по адресам, ты как представлялся: опека или администрация?

В. –Говорил, что администрация, а потом, когда заходил в квартиру, говорил, что опека.

О. –Мы также делаем. А когда попервости устроились, в домофон скажешь: опека, все: ааа...слышно, что там люди чуть ли не в обморок падают возле этого домофона.

В. –И мамочки там вообще... до такого доходит, что это какой-то заговор государства, а под этим сообщением очень много лайков и комментариев в поддержку, в которых говорится, что это заговор государства. Государство вычисляет хороших детей – здоровых, умных забирают к себе. Там в этих детдомах воспитывают, как им надо для государства. Мы детей не видим, родительских прав лишают. И все, они потом работают на государство. Есть такая теория заговора.

О. –Вообще. Это уже новая какая-то версия. Если раньше всегда говорили и нас даже обвиняли, цитирую: «вы шакалите на благо американцев, отнимая у нас детей и продавая, спекулируя...». Типа мы лично решили: сидим у себя в кабинете, все приняли и решили, что сегодня едем к этой семье, забираем детей и продаем туда-то, туда-то. Ну, т.е. на таком уровне. Причем это, я когда даже лишала родительских прав, у адвоката такое же мнение, понимаешь. Выходим из суда, лишили: «ну что, сколько сейчас получишь премии?», я говорю: «женщина, я после этих слов с вами даже не собираюсь разговаривать, вы вообще не компетентны, если вы верите каким-то слухам, которые ходят на этом уровне, ну, и, пожалуйста, дальше, тогда, продолжайте верить, до свидания». Если у адвокатов такое мнение, то о чем можно тогда говорить. Конечно, люди в шоке. Все боятся. Особенно приезжаешь в благополучную семью, там упал ребенок с дивана, все бывает. У меня у самой двое детей, и у самой они летали, но благо они у меня выросли в то время, когда не было вот этих сообщений. Приезжаешь, и у мамочки, особенно если первый ребенок, мамочка вот такая ошалевшая, молодая, там ей года 23-25, она стоит испуганная вся. Я говорю, родители, наоборот, вызвали скорую помощь, оказали беспокойство по состоянию своего ребенка, сделали необходимые манипуляции, а тут мы еще приходим

с полицией: ай-ай-ай, что это у тебя тут ребенок падает. Ну, т.е. это бред, конечно. Государство у нас, конечно, неправильно... С другой стороны, если по-другому на эту ситуацию посмотреть, мало ли, что мы можем выявить. Но опять же – та же медицина и та же школа – лучше них никто не видит детей. Мы пришли сегодня, посмотрели, развернулись и ушли. Мы пришли, там борщ наварен, пеленки наглажены, она сама напомажена, все чистенько, аккуратно, все. А в школу начинаешь запрашивать, они отвечают: «откуда мы что знаем». У вас ребенок по шесть часов минимум на глазах, семья приходит и на собрания, еще по каким-то вопросам. Вы папу, маму видите, все равно же можно какие-то выводы сделать, нежели, вот, как мы. А потом постфактум это все начинается: «аа, опека, а ты что не забрала, мы же тебя писали задним числом». Мы тоже умеем делать документы.

19:03-25:07

В. –Как думаете? Может каким-то образом стоит изменить законодательство. Для таких семей консультироваться с кем-то? Если у нас есть культурные различия, почему бы не обратиться к культурологам, антропологам? Или к главе диаспоры? Почему надо забирать ребенка, если мать не знает языка, а потом ребенок умирает, а о причинах смерти все молчат.

О. –Это ущемление прав однозначно и ребенка и семьи, потому что я просто в шоке. Это недавно было?

В. –2015-2016 гг.

О. –В принципе, не так давно, конечно, обращаясь к ФМС, у них должен быть какой-то контакт, должен быть какой-то переводчик или еще что-то, как без этого? Если они работают целенаправленно на выявление граждан, которые находятся незаконно на территории Российской Федерации, это же как-то надо выяснить. Закон он менять не будут, в принципе, и нет смысла менять закон, под каждого мы же тоже не подстроимся, к нам приезжаю

всякие разные народности. Конечно, они в первую очередь должны соблюдать наши законы, коль уж они...

В. –Да-да, но, к примеру, в США практика прецедентов – случилось, а уже под него закон, а у нас есть один закон, под который все начинают «подгонять».

О. –Угу, а эти люди оказываются заложниками ситуации.

В. –Опеки тоже бывают разные. Вы приехали, вас эта кроватка устроила, а кого-то кроватка не устраивает.

О. –Потому что это субъективное мнение, работа наша вообще субъективная. Вот для меня, я пришла, блин, вот, у тебя стены желтые, а не зеленые или еще какие-то, все, я заберу. Это все...вот, чисто субъективный характер носит работа. У нас своих-то законов, для своих-то граждан черти что сделано, не говоря уже о вот этих. Из-за какой-то халатности. Это халатность я считаю, безалаберность. Взяли, швырнули куда-то, потому что знают, что это будет безнаказанность. Они же вообще по-русски не говорят, что нам, что хочу, то и делаю.

25:09-56:50

В. –Опека везде работает по-разному.

О. –Да, даже в районах если сталкиваешься с каким-то обучением. Даже у нас у всех районов у всех системы какие-то разные.

В. –Но есть же какой-то основной закон? Какой у опеки основной закон?

О. –Ну, 120-й Семейный кодекс – наша настольная книга, на которую мы опираемся при своей работе. В Семейном кодексе четко написано – статья 77-я: при непосредственной угрозе жизни и здоровью... только в этот момент происходит изъятие ребенка из семьи. В данной ситуации, про которую ты рассказываешь, не было угрозы жизнью и здоровью. Наоборот, специалисты

органов системы профилактики создали эту угрозу. Во-первых, на территории Дома ребенка в Ленинском районе есть медицинский персонал, когда мы забираем детей, привозим, они тут же его осматривают. Мы подробно рассказываем, что знаем об этом ребенке, они стараются в кратчайшие сроки запросить медицинские документы. Может, ребенок инсулинозависимый или еще что-то. Вот, у цыганки... короче, отец – цыган, мать – русская, с вашей территории, с Ленинского района был, нам позвонили, мы его забрали, но потом выясняется, что он с Ленинского района. Мы его забираем, привозим, оказывается, что он ДЦПшник ребеночек плюс эпилепсия, т.е. там полный букет. Хорошо, что она нам это все рассказала про него. В Доме ребенка в шоке были, что с такими диагнозами его привезли. Его отправили на скорой, где ему была оказана помощь.

В. –А эта субъективность в оценивании? Она же постоянно везде? Акт это тоже какой-то нормативный документ?

О. –Акт госзащиты?

В. –Да.

О. –Это вообще Департамент наш разрабатывал, т.е. на местном уровне все. Технология случая разрабатывалась на местном уровне.

В. –Они существуют и другие, видимо?

О. –В Москве тоже есть какая-то профилактическая работа, но называется маленько по-другому, ну, смысл примерно такой же. Я так понимаю, что это собирательный образ, скажем так. Они маленько где-то подпитались, потому что они (томский департамент) на обучение и в Москву и в Питер ездят, и вот это что-то придумали. Сказать что это плохо – нельзя, но то, что и хорошо – тоже. Сейчас мы в 2016 г. отчитывались перед Департаментом, сколько мы забрали детей и сколько по отобранию лишили родительских

прав. У нас один был не лишен, и нас замутызгали вообще, потом мы уже обосновывали свои действия. Т.е. понимаешь, нас тоже притесняют, поэтому тоже не знаешь, как быть. Или, действительно, там будет угроза ребенка, но ты не можешь его забрать, ты его забираешь, а потом докажи, что ты обоснованно его забрал, понимаешь.

В. –А что может угрожать жизни и здоровью ребенка? Что конкретно?

О. –Какие критерии? Конечно, есть. Например, печное отопление в доме. Бывает, приезжаешь, а там дверки нет в печки, ребенок может подойти и ошпариться. Если в этот момент родители в состоянии алкогольного опьянения, то они за этим проследить не смогут. Был прецедент: у семьи машинка-автомат, не работала ручка, блокировка, т.е. машинка начала отжимать, ребенку 2.5 года, он подошел, открыл и сунул руку – ребенку оторвало руку. От болевого шока ребеночек умер. Хотя дома находилась чуть ли не целая толпа. Старшая сестра, но ей 10 лет всего, папа. Как выяснилось, папа спал, хотя это его прямая обязанность – следить за ребенком. Беспечность людская стоила жизни крохе. Что у нас еще? Электроприборы. Приезжали, отбирали. Деревянный дом, посреди комнаты стоит кастрюля, на ней лежит обогреватель с тенами, это все в доступе. Там, правда, мальчишки побольше были, там родители наркоманы, поэтому отбирали.

В. –А если не заметил представитель опеки, а потом что-то произошло? Как в этом случае быть?

О. –Конечно, может такое быть, но я пишу, что при посещении в конкретное время, что я там увидела, т.е. именно здесь и сейчас. Мы стараемся это описывать, но в любом случае, если что-то коснись, то тебя следственный комитет затаскает, потому что сам знаешь, что у нас такая система. У нас, вроде, и подведомственные есть структуры, как те же наши кураторы реабилитационных центров, но если что случится, виноват-то будешь ты,

независимо от того, увидели они это или не увидели, ответственность несешь ты, потому что у тебя в должностной инструкции это прописано, что ты несешь персональную ответственность.

В. –Может, тогда, проще всех забирать?

О –А если ты забираешь, то потом с тебя спрашивают, почему забрал. Видишь, тут палка о двух концах. Мы уже стараемся последнее время уговаривать родителей, объяснять последствия. Если я у тебя сейчас заберу ребенка по распоряжению главы, то через 7 дней я выхожу в суд, я тебя лишу. А если ты сейчас пойдешь со мной на сотрудничество, напишешь заявление, что ты просишь меня разрешить поместить твоего ребенка, а потом, после положительных твоих характеристик, мы тебе ребенка отдадим, в то же время, мне и в суд не нужно выходить. Если, конечно, она не будет сотрудничать, не будет ничего делать, то, тогда, уже идем в суд. А по отобранию-то, видишь, семидневный срок прописан в Семейном кодексе.

В. –Т.е. это вы уже себе какие-то подушки безопасности придумываете?

О. –Да, это мы уже себе подушки безопасности делаем. Потому что у нас сейчас есть прецедент на районе, мы по соглашению забрали, у мамы умственная отсталость, экспертизу назначали. Судебные тяжбы длятся с декабря месяца, т.е. 27 у меня сейчас будет последнее судебное заседание, надеюсь, что последнее. Я это к чему, потому что психологи на экспертизе тоже страхуются. Пишут в ней, что она самостоятельно не может осуществлять уход за детьми, их содержание, но угрозу жизни ребенку не предоставляют, вместо это пишут: «требуется систематическое наблюдение компетентных органов», прикинь? Т.е. они не пишут, что она представляет угрозу жизни и здоровью детей, но в то же время пишут, что ваш контроль необходим, т.е. такое двойное... Сейчас я ходатайствую, чтобы этих экспертов пригласили, чтобы они в ходе судебного заседания дали нам разъяснения, о том, что они написали. Все себя страхуют, никто не хочет

брать на себя ответственность. У нее мама тоже такая же – состоит на учете в психоневрологическом диспансере, но она более-менее соображает. Они пожаловались везде: депутатам, в Аппарат президента, прокуратуру, уполномоченному по правам ребенка, т.е. во все инстанции, которые могут нас наказать. Но даже здесь есть положительная динамика, т.к. после того, как мы за них взялись, они сделали ремонт, приобрели мебель и т.д. Суд нам не дал разъяснений по поводу этого «систематического наблюдения». Как это? 7 дней в неделю, 365 дней в году? Это чисто физически невозможно. Как тогда? У нас нет в штате ни психиатров, ни наркологов, мы не компетентны в этих вопросах. Все чисто субъективно, вот эта наша болтушка – уговаривать, разъяснять, объяснять – это все, что мы можем.

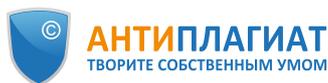
В. –Как вы справляетесь с проблемой количества дней, которые дают на отработку сигнала (3 дня), а сигналов поступает столько, что ты не справляешься с их количеством в эти сроки? Кто установил такие сроки? Департамент?

О. –Да, Департамент. Они сейчас придумали, что к детям до 5 лет мы должны выезжать в течение суток, это чисто физически невозможно. Понимаешь, Антон, те люди, которые на «земле» не работали, они этого не понимают. Нам в этом плане повезло с руководством, т.к. они сам через это прошли, они видят, какой объем сигналов нам поступает. Порядка 500 сигналов нам приходит в месяц (только те, которые мы фиксируем), какие-то глупые, типа: «упал с дивана», мы уже не фиксируем, с больничек, с ОКБ мы перестали фиксировать в базе.

В. –Чувствуется ли какое-то напряжение при взаимодействии между всеми участниками этого процесса – родители, Департамент, прокуратура и т.д.

О. –Всё разрозненно, есть напряжение. Например, у образования вообще сложилось мнение: «а зачем париться, есть же опека», т.е. какие-то их профилактические... совет по профилактике, родителей они вызывают, с

психологом должен работать, это же все несет свою форму отчета. Сейчас это не работает, они зачастую даже в семье не ходят, предпочитают скидывать на опеку. У всех масса претензий друг к другу: у образования к нам, у нас к образованию, к медицине, а, соответственно, у медицины к нам. Соломенку под каждое дело не подстелешь. Стараешься сам что-то предугадать, присматриваешься всегда. Все равно скользких людей как-то видно... Я в этой работе стало циничной вообще, иногда начинаю на себя переводить, думаю, блин, наверное, у меня у самой уже пора детей забирать... Это нельзя, то нельзя. Сидим на консилиуме, кто-то спрашивает: «почему не мама в поликлинику ребенка водит, а бабушка», я говорю: «так, стоп, граждане, у меня тоже бабушка водит, а я здесь сижу». Мама работает, зарабатывает деньги на обеспечение того же ребенка, что в этом плохого, если бабушка или дедушка сидят с ребенком, если у них есть такая возможность, что здесь преступного. Почему сразу надо думать, что если мама не пошла на прием с ребенком, то она пьяная где-то в три наката спит. Понимаешь, когда начинаешь копать, в каждой семье можно найти что-то и забрать. Говорю же, начинаю уже про себя думать, что у меня у самой детей надо забирать. Я и по жопе могу шлепнуть и за ухо потрепать, потому что уроки делать не хочет, а куда деваться. Кнутом и пряником, по-другому никак. И мне перепало, помню такие случаи, сейчас считаю, что это правильно было.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: lukyanova1211@gmail.com / ID: 3074700

Проверяющий: (lukyanova1211@gmail.com / ID: 3074700)

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://www.antiplagiat.ru>

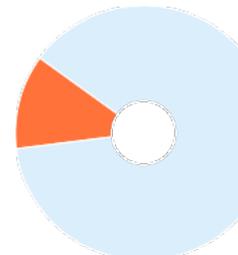
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 55
 Начало загрузки: 06.06.2018 11:10:58
 Длительность загрузки: 00:00:02
 Имя исходного файла: Магистерская Садырин PDF
 Размер текста: 575 кБ
 Символов в тексте: 127839
 Слов в тексте: 17551
 Число предложений: 1639

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
 Начало проверки: 06.06.2018 11:11:00
 Длительность проверки: 00:00:08
 Комментарии: не указано
 Модули поиска:

ЗАИМСТВОВАНИЯ 12,14% **ЦИТИРОВАНИЯ** 0% **ОРИГИНАЛЬНОСТЬ** 87,86%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
 Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общепотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
 Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
 Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
 Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
 Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
 Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,19%	2,63%	Методы прикладных социал...	http://textarchive.ru	06 Апр 2017	Модуль поиска Интернет	32	34
[02]	1,99%	2,11%	Скачать Скачать PDF	https://jsps.hse.ru	04 Авг 2017	Модуль поиска Интернет	29	32
[03]	1,21%	1,33%	не указано	http://sociologica.hse.ru	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	8	10

Еще источников: 17

Еще заимствований: